

М. Г. КРАМАРОВСКИЙ

ДЖУЧИДЫ И КРЫМ: XIII-XV вв.

Вопросы о структуре улусной системы Джучидов и истории складывания государственности вызывают интерес уже не первое десятилетие. Деление улуса Джучи на две части – левое и правое крыло – прошло через всю историю Золотой Орды. По Рашид ад-Дину, хан Орда с братьями (Удуром, Тука-Тимуром, Шингкуром, Сингкумом) заняли восточные и юго-восточные земли, закрепленные за потомками Джучи [1, с. 41, 42]. Эти территории и составили левое крыло Улуса Джучи – Кок-Орда в конце XIV – начале XV вв.; правое крыло – Ак-Орда – отошло к потомкам хана Бату. Г.А.Федоровым-Давыдовым установлено, что рубежом между левым и правым крылом выступает не Волга, а границы расселения гузов и кыпчаков [2, с. 57]. По его наблюдениям, юрт хана Шибана (казахстанские степи от Урала до Семиречья), чьи кочевья располагались между территориями Орды и Бату, входил в правое крыло улуса Джучи [2, с. 57, 58, особенно прим. 81, с. 144]. Границу между улусами Бату и Шибана Г.А.Федоров-Давыдов видел между Уралом и Волгой [2, с. 58]. Однако анализ погребального обряда и инвентаря курганов XIII-XIV вв., проведенный В.А.Ивановым и В.А.Кригером, привел их к мысли о типологическом и этнокультурном единстве кочевнического населения “...на всей территории от Волги до предгорий Южного Урала” [3, с. 72]. И.Н.Мингулов предложил считать юрт Шибана самостоятельным территориально-политическим образованием, идентифицируемым под именем Кок-Орды. Он находит неправомерным использование термина “Кок-Орда” в качестве синонима Золотой Орды, предлагая в последней видеть Заволжскую = Большую Орду. Отсюда неприемлемое предложение рассматривать Улус Джучи как “троецарствие”, состоящее из Заволжской (Большой) Орды Бату-хана, Кок-Орды хана Шибана и Ак-Орды Орду-иджена [4, с. 79-95; иную точку зрения см.: 5, с. 94-96; 6, с. 20]. Актуализация проблематики принадлежности орды Шибана к левому крылу Золотой Орды едва ли перспективна до подтверждения новыми, в том числе и археологическими материалами [7, с. 82, 83; 8, с. 82]. Вместе с тем, изначально и Ак-Орда, и Кок-Орда членились на улусы во главе с *огланами*, а сами улусы не оставались неизменными ни в объеме территорий, ни в системе правонаследования. Для нашей темы важно отметить еще и вторичное деление на “правое” и “левое” крыло внутри улуса Бату [2, с. 57, 141-144].

Крымский полуостров – часть правого крыла Золотой Орды. И, если следовать энциклопедии ал-Калкашанди (1355-1418), большую часть из десяти известных автору округов (*иклим*), реальных и мнимых, объединяло именно это крыло [9, с. 265, 269, 286, 287]. Его “столицей” стал не свой “монгольский” город Солхат-Крым [10, с. 141-157; 11, с. 101-106]. Название “Солхат” выходит из употребления к концу XIV в. и замещается названием “Крым”; после 1475 г. имя бывшей столицы распространилось на весь полуостров и его население – “*кырым халкы, кырым татарлары*” [12, с. 467, 468].

Существенно, что каирская компиляция, отразившая сведения второй половины XIV в., делит полуостров площадью в 27 тыс. кв. км на три округа-*тюмена* (в хазарскую эпоху в Таврике отмечено девять округов-"климатов")¹. Предполагается, что каждый из *тюменов* был способен выставить десяти тысячный всаднический корпус, возглавляемый *темником*. "Собственных" округов на полуострове отмечено всего два: Крым, располагавшийся на юго-востоке, в степной части полуострова и "страна Ас" (Крымская Алания) в юго-западной, горной части полуострова. В общеджучидском списке Крым составил четвертый, а "страна Ас" – девятый округ. Население Керчи – города и прилегающей степи с невысокими грядями Парпачского хребта – основной ландшафтной достопримечательности Керченского полуострова, отнесено к Азовскому тюмену, пятому округу по ал-Калкашанди [9, с. 270, 287, 288; о названиях Керчи в мусульманских источниках см.: 12, с. 458]. Нет сомнения, что административное районирование золотоордынского Крыма, во многом обусловленное этнокультурными особенностями территорий, отразило традиционное, но все же изменяющееся во времени тяготение отдельных частей полуострова к разным политическим центрам за его пределами. Достаточно напомнить о судьбе Керчи-Корчева, принадлежащей с 60-х гг. XI в. Тмутороканскому княжеству² [а не Византии – см.: 14, с. 112-114] со столицей на Тамани, или некогда могущественного и процветающего Херсонеса, в хазарскую эпоху ориентированного на византийский Константинополь, а в период Латинской империи – на Трапезунд. Херсонес – Сары-Керман у ал-Калкашанди упомянут вблизи [9, с. 270-271, 289], как захолустный городок "меньше, чем Акча-Керман (Аккерман, Монкастро итальянских источников)"³.

За исключением периода Крымского ханства (1428-1792), Таврика ни в древности, ни в средневековье не составляла единого государственного образования. Последнее

¹ В трактате "Об управлении империей" (X в.) византийский император Константин VII Багрянородный говорит о девяти климатах между Херсоном и Боспором [13]. Принципиальная разница в образовании "округов" состояла в том, что у хазар основой выделения служила крепость или их совокупность, с прилегающей территорией, а у монголов – территория с населением, способным выделить 10000 всадников. Хотелось бы обратить внимание на вопрос о времени возникновения административного районирования Золотой Орды, основанного на *климатах*, отраженных у ал-Калкашанди. Г.А.Федоров-Давыдов склонен был к мысли о поздней дате – не ранее рубежа XIV-XV вв. При этом он исходил из корреляции выделения административных районов с выделением "нумизматических провинций" [2, с. 134, особенно прим. 166]. На наш взгляд, формирование локальных вариантов денежного обращения в конце XIV в. – лишь этап в развитии процесса "федерализации", но само административное структурирование шло параллельно с развитием институтов государства и приобрело устойчивое очертание в 50-60-е гг. XIII века. Период выделения "нумизматических провинций" – предвестник развала ордынской государственности, поскольку само явление регионализации монетного обращения явилось частью пускового механизма распада Золотой Орды.

² Княжество образовалось около 988 г. С 1023 г. – входило в состав Черниговского удела. Коренное население княжества составляли адыги-косоги. С 60-х гг. XI в. княжество отделяется от Чернигова и становится прибежищем русских князей-изгоев. Как показал В.П.Степаненко, между 1094 и 1108 гг. Боспор снова становится византийским [14, с. 114]. Вопрос о том, являлась ли Тмуторокань княжеством, остается дискуссионным [см.: 15; 16, с. 66].

³ Об истинных масштабах Монкастро ал-Калкашанди (1355-1418) едва ли имел представление. По времени его работа над историко-географическим очерком о Хорезме и Кипчаке совпадает со строительством Молдавским княжеством средневековой крепости Четатя Албэ (конец XIV – XV вв.) [17, с. 371-374]. Раскопки средневекового Белгорода (Монкастро), период существования которого ограничивается концом XIII – 60-70-ми гг. XIV в., действительно дают представление о небольшом городе [18]. А.И.Романчук, вопреки мнению А.Л.Якобсона, считавшего XIV в. временем упадка городской жизни Херсона, превратившегося в поселение "полудеревенского типа", настойчиво отстаивает тезис о благополучии города. В том числе и в области городского строительства. По ее подсчетам число горожан Херсона в поздневизантийское время на площади 22 га достигало от 3660 до 5000 человек [19, с. 188-192].

стимулировало разные союзнические векторы в развитии отдельных территорий, но также и их цивилизационное своеобразие. В этом историческом феномене нашло отражение геополитическое положение полуострова, лежащего на стыке Великой степи, Средиземноморья и Балкан.

В монгольской колонизации Таврики-Крыма выделяются несколько этапов. Она началась за пределами полуострова с вытеснения половцев Котьяна из Дешт-и Кыпчак, частично ушедших в Венгрию осенью 1239 г., и продолжилась преследованием половецких орд, отступивших в Таврику в 1237-38 г. под давлением воинских соединений трех огланов-чингисидов Шибана, Бучека и Бури. Сама воинская операция, о которой мы почти ничего не знаем, была лишь эпизодом в грандиозной по масштабам семилетней европейской кампании 1236-42 гг. под руководством второго сына Джучи Бату (1208-1256), в результате которой вся Великая Степь от Иртыша до Дуная оказалась во власти династии Джучидов. Таврика уже была известна монголам по воинской экспедиции двух *тумэнов* Субутая и Чжэбе, отведенных после Калки (май 1223 г.) из Приазовья и Днепра на зимний отдых в Судакскую долину⁴. Три принца крови, несомненно, стояли во главе десятитысячных корпусов, но походное старшинство, можно думать, принадлежало Шибану (Шайбану). Осенью 1236 г. его корпус отличился в борьбе с войсками Булгара и Башгирда, где понес значительные потери. Ужасы голода 1236-37 гг. в Восточном Крыму, вызванного перенаселением за счет ищущих спасения за морем, по наблюдениям Ф.И.Успенского, в Малой Азии [25] материковых половцев, оказались не забыты и полтора десятилетия спустя. В 1253 г. их отметил Гильом Рубрук [26, с. 90]. В Таврике активность половцев, не исключаяющая присутствия их предшественников печенегов, становится заметна с последнего десятилетия XI в. В период половецкого господства до 20-х гг. XIII в. их главным городом, по сообщению Ибн-ал-Асира, становится Сугдейя-Судак. По данным археологии, при половцах на полуострове сформировался печенежско-половецкий погребальный обряд [27, с. 3, 4; 28, с. 81]. Судя по выявленным в Восточном Крыму кочевническим захоронениям XIII – первой половины XIV в., монголам Шибана противостояли воинские отряды половцев и все еще сохранившихся печенегов. Анализ погребального обряда позднекочевнического некрополя конца XIII – XIV вв. у Евпатории показал, что половцы продолжали жить в традиционных местах выпасов скота и с приходом монголов адаптировались к жизни в новых условиях [29, с. 6-8]. Шибан был пятым сыном Джучи и,

---

⁴ Калкская операция, где на половецкой стороне выступили русские князья [анализ "русского списка" см.: 20, с. 79-103], с точки зрения военного искусства реконструирована М.В.Гореликом [21, с. 29, 30].

В.В.Бартольд отметил два нападения татар на Сугдею в период Трапезундской юрисдикции – в 1223 и 1238 гг.; он считал, скорее, ошибочно, заниженным число горожан – 8300 человек – после ухода ордынцев в 1249 г., сообщенное греческим наместником [12, с. 489]. Сведения о численности жителей Сугдеи для нас важны для определения масштабов городской территории, но пятикратное увеличение расчетной цифры (по Бартольду, учтены только главы семей), все-таки, невероятно. Небольшой портовый городок (согласно записи на полях Судакского греческого синаксаря, монголы вошли в город 27 января 1223 г. [22, с. 601]), тем более в зимних условиях, не мог разместить и прокормить 20-ти тысячный конный корпус, насчитывающий, вместе с заводными, как минимум, до 40 000 лошадей. Более реально, как кажется, предположить базирование рядовых всадников в прилегающей долине, способной обеспечить зимний выпас. Ибн ал-Асир (1160-1233) характеризует Судак (Сугдак), как "... город кипчаков, из которого они получают свои товары, потому что он (лежит) на берегу Хазарского моря и к нему пристают корабли с одеждami..." [23, с. 26]. Греческий себастос (наместник) Судака вполне мог оказаться этническим тюрком, как показал анализ имен греческого синаксаря, проведенный В.Д.Смирновым. В начале XII в. кипчакским (хуманским) городом, согласно арабскому географу Ал-Идриси (1110-1165), называлась только Джалита (Ялта) [см.: 24, с. 88; здесь же и литература вопроса о материалах Ал-Идриси по Восточной Европе].

в отличие от Бури, Гуюка и др.⁵, предан Бату. Братская признательность Бату нашла выражение в пожаловании Шибану в 1242 г. земель и иля⁶, помещенных между владениями самого Бату и уделом старшего среди братьев Орду; держание Шибана принадлежало правому крылу Золотой Орды (см. выше). Балхский историк XVII в. Махмуд ибн Вали сообщает, что согласно воле Бату и его первых преемников Хаджи-Тархан и округа (вилайеты) Каффа и Крым были переданы Тукай-Тимуру, тринадцатому сыну Джучи [33, с. 17]⁷. С точки зрения налогообложения в XIII в., это возможно только в отношении области Крым, поскольку ни Каффы, ни Солхата, а тем более Хаджи-Тархана, как городов еще не было. Тукай-Тимур – ветеран западного похода, пользовался доверием Бату задолго до европейской кампании. В 1229 г. Бату поручил ему на время отъезда свой удел, отправляясь на интронизацию Угадэя в Каракорум. По окончании западного похода Тукай-Тимур получил в удел область кавказских Асов и Мангышлак, а в качестве иля хан передал ему племена *минг*, *тархан*, *ушун* и *ойрат* [33, с. 17]. Из восточных авторов только Абу-л-Гази, джучид по происхождению, воин и историк, сообщает о самом раннем общепризнанном правителе Крыма Уран-Тимуре, сыне Тока-Тимура [35; 36, с. 47, 48]. Вероятно, при Уран-Тимуре (около 1267 г.) и было основано генуэзское поселение в Каффе, получившее городской облик в 70-80-х гг. XIII в., когда генуэзская община во главе с консулом обрела статус колонии⁸. Венгерский востоковед Иштван Вашари пишет о покупке генуэзцами “города” (скорее, территории бухты – урочища под поселение – *М.К.*) у Уран-Тимура, где уже с 1263 г. обосновывается итальянский консул [40, с. 196; в дате и именовании урочища городом он следует за В.В.Бартольдом – 12, с. 453]. Основой латино-тюркского взаимодействия послужили особые льготы, выданные генуэзцам для торговли в Каффе Менгу-Тимуром (*1267-1280). Есть все основания рассматривать ордынские преференции Республике св. Георгия как часть осмысленной широкой торговой политики Сарая. Ее балтийская ветвь опиралась на Новгород, чьи интересы ввязался защищать сам золотоордынский хан [41, с. 177-179]. Фундамент этих отношений заложен в период

⁵ Согласно “Сокровенному сказанию”, царевичи-участники западного похода Бату Бури, Гуюк, Мунке и др. формально находились в “оперативном управлении” опытного Субутая [30, параграф 274], одного из двух руководителей экспедиционного корпуса 1223 г., разгромившего кипчакорусскую коалицию на Калке. По “Юань ши” Субутай – главный военачальник, а Бату – главнокомандующий [31, с. 167]. При подходе к Волге Субутай с частью войск был отправлен в сторону Волжской Булгарии [о биографии Субутай-багатура см.: 32, с. 43-46]. Старшинство среди походных принцев принадлежало Бату. Этим, как следует из полевого донесения Бату Великому хану Угедею [30, параграфы 275, 276, 277], уже после окончания похода оказались недовольны Бури, сын Чагатая, Гуюк, сын Угедея, и Аргасун, сын Эльжигидая. По решению Великого хана, царевич Бури был отослан для наказания к отцу, а дело Гуюка и Аргасуна было признано “полевым” и передано на суд Бату. Полный список царевичей-чингисидов западного похода см.: 1, с. 34.

⁶ Летние выпасы Шибана были определены к востоку от Яика и Уральских гор с тем, чтобы обеспечить доступ к пойме Иргица, Ори и Илека. Места зимников орды Шибана пролегли по берегам Сырдарьи, в устьях Чу и Сары-су [33, с. 19].

⁷ О генеалогическом сочинении Махмуда ибн Вали под названием “Муизз ал-ансаб” см.: 34, с. 81-87.

⁸ Статус генуэзского поселения Каффа обрела с 70-80-х гг. XIII в., когда латинская община торговой фактории сформировала административную во главе с консулом [37]. Основные этапы становления Каффы как города рассмотрены в специальном исследовании А.Г.Еманова [38]. В этой работе в качестве предгородских выделены следующие стадии: 1) этап “деградации античного полиса” (IV-V вв.); 2) этап “аграризации древней хоры” античной Феодосии (V-VI вв.); 3) этап “образования протогородских нуклеусов” (IX-XI вв.); 4) период “предгорода” (XII – первая половина XIII вв.); 5) стадия “раннегородской общины” латинских поселенцев (вторая половина XIII – первая четверть XIV вв.). Статус города – *civitas* – Каффа получила в акте инвеституры папы Иоанна XXII в 1322 г. [38, с. 17-21]. Нетрудно заметить, что первые четыре этапа имеют отношение к исторической интерпретации территории будущей городской застройки, но никак не связаны с предгородским этапом средневековой Каффы. Анализ литературы о Каффе см.: 39, с. 60-67.

регентства Боракчин-хатун (до 1259 г.), вдовы Бату (Боракчин, согласно монгольской традиции, стала женой Тукана, среднего сына Бату, от которого родила Туда-Менгу, была матерью Сартака и бабки малолетнего сына Сартака Улагчи), при которой осуществлена первая перепись на Руси и выпуск монет от имени Мункэ⁹. Согласно "Юань ши", Великий хан Мункэ в 1253 г. отправил с этой целью на Русь Бергэ, он же Бицик-Беркэ [31, с. 167; 45, с. 86]. Спустя несколько лет после скорострительной кончины Великого хана в августе 1259 г. и отстранения Боракчин, после расправы с Улагчи, власть несовершеннолетнего хана унаследовал Берке, младший брат Бату. Берке – ветеран западного похода; в антикыпчакской кампании прославился тем, что в конце 1227 или в 1228 г. взял в плен трех военачальников одного из кыпчакских ханов Беркути – Арджумака, Куранбаса и Копарана [23, с. 37]. Он (по поручению Бату) стал деятельным участником возведения на престол Мункэ в 1251 г. [1, с. 15, прим. 4; 46, с. 503]. Ханский титул Берке получил в конце 1259 г. по решению вседжучидского курултая [анализ политической ситуации в Золотой Орде в период правления Берке см.: 47, с. 12, 15; 48, с. 74-102]. Берке – сторонник и даже, как называет Берке Морис Фоссаби, фаворит Ариг-Буга, легитимного преемника Мункэ и Великого хана с июня 1260 г., утвержденного Каракорумским курултаем. Однако другой всемонгольский курултай – в Кайпине – провозгласил Великим ханом Хубилая, добившегося победы над Ариг-Буга в 1264 г. [49, с. 324-326; 50, р. 53-75]. Внутриполитическая деятельность нового золотоордынского хана-мусульманина началась с подтверждения приверженности Каракоруму: выпуском серебряных монет с лицевой надписью "Ариг-Буга каган еерховный" [2, с. 163]. События 1264 г. в Центральной Азии заставили золотоордынского хана принять два важнейших решения: Золотая Орда выходит из состава Монгольской империи и втягивается в затяжную конфронтацию с хулагуидским Ираном (напомним, что 17 января 1258 г. монголы Хулагу взяли Багдад, а 20 февраля казнили халифа ал-Мустасима; оставшиеся в живых наследники Аббасидов нашли прибежище в Египте. И, если победа над халифом принесла Хулагу иррациональный титул Ильхана – "Повелителя народов", то сближение Сарая с Каиром, ставшим центром исламского мира после падения Багдада, – благорасположение Халифата, подготовившее почву для исламской торговли в Дешт-и Кыпчак^е). Новая политическая ситуация в Азии и на Ближнем Востоке привела Золотую Орду к союзу с мамлюкским Египтом, сыгравшим ведущую роль в сохранении Аббасидов и Халифата. В этой связи, именно при Берке внешние связи Золотой Орды с исламским Левантом обрели двуполюсный характер. Постепенно налаживаются и торговые связи. В 60-70-х гг. XIII в. нетронутый в 1238 г. ордынцами Новгород становится для Джучидов "балтийским окном" в североευропейскую торговлю¹⁰. Через Новгород ордынская дипломатия традиционно

⁹ Инициатива первой в Золотой Орде (и на русских землях) переписи 1257 г. принадлежала Великому хану Мункэ (1251-1260). При ее проведении на Северо-Восточной Руси ярко обозначилась роль Александра Ярославича, побратима отца малолетнего Улагчи Сартака с 1251 г. [42, с. 534; 43, с. 52]. Благодаря инициативе Александра (1258 г.), Берке (1257-1267) освободил новгородцев от ханских посредников при выплате налогов. Причину "либерализма" сарайской администрации Г.В. Вернадский видел в заинтересованности доходов Золотой Орды от балтийской торговли: "...они предпочитали собирать золотые яйца, а не убивать курицу, которая их несет" [41, с. 157, 158; анализ историографии проблемы см.: 44, с. 161-206]. Посредническая роль Новгорода в ордынской политике заметно отразилась в его материальной культуре. Фактор торгового посредничества Новгорода, но с позиции интересов Джучидов, пока не привлек какого-либо внимания исследователей. Не этим ли, в частности, объясняется довольно заметный золотоордынский компонент в ремесленной культуре города?

¹⁰ Вот что об этом сообщает новгородская княжеская грамота, данная рижанам, с отсылкой к требованию хана: "Менгу-Темерево слово кль Ярославу князю: даи путь немецкому гости на свою волость. От князя Ярослава ко рижаномъ, и к болшимъ и к молодымъ, и кто гостить, и ко всемъ: путь вашъ чистъ есть по моей волости..." [51, № 30, с. 57]. Грамота Ярослава к рижанам датирована А.П.Григорьевым 1270 г. [52, с. 71].

поддерживала контакты со странами Скандинавии [53, с. 236]. Средиземноморская и черноморская торговля спиралась на порты Крыма. В немалой степени этому способствовала инициатива мамлюкского султана Бейбарса, предложившего в 1262 г. Берке союз против общего врага – Хулагу. Роль проводника левантийского направления ханской политики принадлежала Солхату. Ранней весной 1263 г. каирское посольство к Берке-хану прибыло в Крым. В портовом районе Судака их встретил правитель Солхата по имени Таюк (Табук), располагавший почтовыми лошадьми (*юлак*). Из компиляции ал-Муфаддала [23, с. 176, 192] следует, что Судак находился в административном подчинении Солхата. По-видимому, солхатский правитель и начальник округа – одно и то же лицо. В то же время, в одном дневном переходе на север от Солхата, в степи, посольство застало кочевую ставку темника Тукбуга, можно полагать, эмира Крымского *тюмена*. С учетом должностной номенклатуры ярлыка Менгу-Тимура от 1270 г. допустимо, что перед нами первые на тот момент лица края, которых можно обозначить как улусных князей. В адресатах ярлыка подобные лица отнесены ко второй группе должностных лиц [52, с. 76, 77].

Таким образом, **первый этап** джучидского освоения Таврики (40-е – середина 60-х гг. XIII в.) завершился структурированием края в военно-административную и хозяйственную систему Джучидов. Крым из невнятного придатка Дешт-и Кыпчак постепенно преобразовывается в один из заметных центров политического и экономического влияния набирающего силу централизованного государства. Существует мнение, что на этом этапе монгольской колонизации полуострова Джучидам принадлежали лишь степи Юго-Восточного Крыма, а его горная часть сохранила некую независимость, выплачивая в Орду дань [54, с. 72]. В основе лежит сообщение Рубрука о том, что к последней декаде мая 1253 г. в Сугдею еще не вернулись его городские начальники (*capitaneos*), отправившись зимой с данью к Бату-хану [26, с. 89]. Означает ли это известие об установлении особых даннических отношений, подразумевающих известную самостоятельность портового города? Ведь мы ничего не знаем ни о его руководителях, ни об адресном предназначении сборов. Можно лишь предположить, что речь идет о *тамге* – таможенном сборе в виде процента с купеческих операций. Для приморского центра этот вид налога не кажется необычным, но он мог предназначаться и для Великого хана¹¹. Сама система сбора налогов и рекрутов в это время еще только устанавливалась. В контексте наших предположений уместно обратить внимание на сообщение ал-Калкашанди о поволжском Уеке, “приписанном” к Крыму [9, с. 269, 286]. Но из сообщения ал-Муфаддала мы узнаем, что еще в конце XIII в. судакские доходы, куда входили и торговые сборы, делились между “четырьмя Татарскими царями” [23, с. 195]. Видимо, одним из них, наряду с Менгу-Тимуром, был Ногай, легитимный правитель правого крыла

¹¹ Наше предположение о вероятности выплат Сугдеей не только в казну Берке основывается на общемонгольской практике. Об этом обычае сообщает компиляция ал-Муфаддала: “...все добытое в землях, которыми они (Татары) овладевали и над которыми они властвовали от реки Джейхуна на Запад, собиралось и делилось на 5 частей; (из них) две части (отдавались) Великому хану, две части войску, одна часть дому Батыеву” [23, с. 188]. Несогласия в дележе доходов, особенно в период начальной фазы распада империи, вызывали междинастийные войны, в том числе между Джучидами и Хулагуидами. Джузджани (1193-?) сообщает, что в монгольском Иране часть территорий принадлежала Бату, и “...над тем округом, который составлял его удел, были поставлены его управители” [1, с. 15]. По мнению Г.В.Вернадского, в 1262 г. русская дань была под юрисдикцией Ариг-Буга и Берке. Подобного рода юрисдикция в XIV в. распространялась на отдельные округа и на территории провинции Шаньси, откуда Узбек-хан получал свою долю китайских доходов [55, с. 260; 56]. Не следует забывать, что Узбек Золотая Орда в XIV в., наряду с Чагатаидами и Хулагуидами, осуществляла свою часть выплат в великоханскую казну [41, с. 94]. Сообщение ал-Калкашанди о поволжском Уеке, приписанном к Крыму [9, с. 286], видимо, из этого же ряда, но в рамках внутреннего перераспределения налогов, не выходящих за пределы Ак-Орды.

Золотой Орды¹². В этом смысле притязания темника и фактического соправителя [об "империи" Ногай см.: 41, с. 181-195; 48, с. 112-139] по меньшей мере трех золотоордынских ханов от Туда-Менгу до Токты на часть доходов Сугдеи, о которых сообщает ал-Муфаддаль, не кажутся чрезмерными. Практика вневластного использования податного населения – рудимент единой Монгольской империи. На этом основании Джучидам принадлежала треть налогоплательщиков Бухары, а хубилаевские сборщики дани вполне легитимно действовали на подконтрольных территориях Джучидов. Синхронность массовых взаимных репрессий в начале 60-х гг. XIII в. рамках джучидо-хубилаевского противостояния против сборщиков налогов Великого хана на Руси и ордынских в бухарском Согде только подтверждает сохранение контекста имперской традиции чингисовской поры [48, с. 83, 84].

Вернемся, однако, к Крыму. Основные политические действия Ногай, чеканившего в Крыму от своего имени монеты с легендой "Хан правосудный Нухай" (без даты, но предполагаемым годом выпуска 697 г.х. = 1297/98 г. или 698 г.х. = 1298/99 г. [58, с. 76-79]), были направлены на превращение правого крыла Золотой Орды в самостоятельное государство с центром в Сақджа-Исакча. Несколько иной трактовки политических предприятий Ногай придерживается Е.П.Мыськов. По его мнению, Ногай вел борьбу за независимое государство, но при формальном его сохранении в составе "...правого крыла "единой" Золотой Орды" [47, с. 15; 48, с. 115]. Исакча – средневековое городище на месте античного Новоидунума в урочище Эски-кале на правом берегу Дуная [59, с. 29, 90-98, 110-115; дискуссионные вопросы об идентификации ногаевской столицы см.: 60, с. 112-125; 61, с. 133, 134; Колину Хейвуду принадлежит также обзор работ румынских нумизматов, посвященных находкам "греческой" акче Ногай и Джели, группы медных монет с ногаидской тамгой и группы серебряных монет Ногай, отчеканенных в Исакче в конце XIII в. – с. 134-145]. Оставляя в стороне дискуссионный вопрос о монете с греческой надписью "Нога(й)", отметим найденные в Сақдже (Исакче) дирхемы Токты и анонимные медные монеты, выпущенные монетным двором Крыма [62, р. 89-109; 63, р. 245-258; 59, с. 130, 131]. Крыму в таком раскладе отводилась роль восточной провинции, ориентированной на придунайскую столицу Ногаидов [23, с. 117, 161]¹³. Стоит обратить внимание на близость начертания государственной тамги на эрмитажной монете ГЭ, инв. № 24492 (в сочетании с солярным знаком) и Джучидской тамги в сопровождении лунного символа на геральдических плитах из генуэзской Каффы¹⁴, основание которой проф. Мишель Балар относит все же к 70-м гг. XIII в. [66, I, р. 118]. В период последней трети XIII в. и до 1308 г. Каффа пыталась защититься от ордынцев рвом и валом с деревянным палисадом. Крым в период правления Токты (1290-1312) – домен Ногай, правившего в Добрудже. В канун гибели хана-темника, его внук отправляет баскаческие функции, вероятно, не только в

---

¹² Территории между Днепром и Дунаем Бату отдал своему младшему брату Бувалу (Мувалу), деду Ногай. В этом смысле решение Туда-Менгу основывалось на генеалогическом праве. После смерти бездетного Берке, Ногаю, к тому времени победителю Хулагу, принадлежит старшинство в роде. По отношению к своим царствующим племянникам – безвольному Туда-Менгу, Тула-Бугу и, наконец, вошедшему на престол при участии Ногай Токте, он уважаемый дядя – *ака*, что многое объясняет в мотивации его поступков [подробно см.: 57].

¹³ Латинская торговля оставалась одним из главных приоритетов во владениях Ногай. Об этом было известно и в Венеции. В 1292 г. республика св. Марка отправила к Ногаю посольство, задача которого заключалась в установлении договоренностей об условиях торговых отношений [64, с. 308]. К этому времени здесь уже укрепились генуэзцы [59, с. 158, 159]. Анализ "эпохи Ногай" см.: 47, с. 15-17.

¹⁴ Ранее, но на другом материале, эта зависимость была отмечена Османом Акчокраклы [65, с. 12]. Джучидская тамга с полумесяцем – характерный геральдический символ латинского обихода, когда речь идет об обозначении генуэзских факторий в системе золотоордынских городов на портоланах: см., например, карту Марино Санудо (1321).

Солхате, за что и был убит [23, с. 158]. Гибель Актаджи (по другим сведениям, имя внука – Караджа [23, с. 382]) – показатель противоборства правящих элит за растущие доходы от левантийской торговли. Наши источники, к сожалению, не говорят о характере сборов энергичного Ногаида, но в них можно предположить *ясак* (тюр., “салык”). По Ибн Халдуну, Караджа был отправлен в Крым для захвата доходов [23, с. 382]. Вероятно, Караджа выразил претензии на сбор суммарного налога [52, с. 78, 79], который уже был предназначен для Сарая. В этом же свете мы рассматриваем и полосу жесточайших репрессий 1297/8 г. в Крыму, хотя мотив личной мести Ногай за смерть внука, к тому же не вполне доверявшего своим эмирам, очевиден. В Крыму, можно думать, действовали те же соединения, что и в нижнем течении Дона осенью 1297 г. при первом открытом столкновении с Токтой. Пострадали не только торговые города юго-востока – Солхат, Судак и Каффа, но и горного Крыма, вплоть до Херсона. После этой акции жизнь затухает на Тепе-Кермене, Эски-Кермене, Сюйрени, Исар-Кая и др. крепостях и поселениях городского типа [67, с. 232, 233; 54, с. 73]. В это время, по-видимому, лишается оборонительных стен Судак, но также и Алустан. Стены Мангупа, восстановленные частично после разрушения VIII – начала IX вв., вновь были разрушены в результате сейсмической катастрофы на рубеже X-XI вв., но сама крепость вместе с поселением, где проживало готто-аланское, в значительной степени христианизированное население возрождается только в XIV в. под именем Феодоро [68, с. 33, 34]. Представляется неверным рассматривать ограбление Ногаем Кырк-йора (среди других городов Крыма) как косвенное проявление некой “аланскэй” независимости от Золотой Орды, длившейся вплоть до конца эпохи Узбек-хана [69, с. 56]. Вопрос о джучидской суверенизации территориальных образований Таврики, как уже отмечалось, исчерпан Тукай-Тимуром. Даже предполагаемая местная чеканка медных скифатных монет с именами деспотов Мануила и Андроника, выпуск которых относят к 40-60-м гг. XIII в. [70, с. 48, 49], не слишком веский аргумент в пользу независимости Мангупа-Феодоро (золотоордынский монетный чекан еще только налаживался)¹⁵. Вместе с тем, уровень вассалитета локальных образований внутри полуострова определялся реальным положением дел в самих Сараях. И все же ногайское ограбление Крыма (в том числе и населения Кырк-йора) – пока только результат противоборства соперничающих элит в борьбе за контроль над частью доходов с отдельных провинций в период фактического двоевластия, выходящего за рамки правого крыла Золотой Орды. Гибель Ногай у Куканлыка (699 г.х. = 1299/1300 гг.) положила конец раздвоению власти.

Внешне **второй этап** в развитии Крымского улуса (середина 60-х – конец 90-х гг. XIII в.) оказался небогат на знаковые события. Однако несколько из них стоит выделить. Начнем с того, что в рассказе о первом египетском посольстве к хану Берке (1263 г.) Солхат-Крым описывается как селение – *карья*, где проживает ханский наместник кыпчак Таюк (Табук). В исторической хронике сельджуков Рума топоним “Солхат” насчитывает пять форм написаний, одна из которых идентична монетной: Солхат. Пулы с топонимом “Солхат” и именем Токты чеканились на месте и впервые были обнаружены в раскопках археологической экспедицией Эрмитажа [72, с. 66]. Уже с 665 г.х. = 1266/67 гг.¹⁶ в селении,

¹⁵ Как сообщил мне Е.Ю.Гончаров, накопленные факты позволяют считать, что чеканка джучидских монет в Сараях, Крыму, Булгаре и Хорезме началась практически одновременно. В Булгаре, как известно, с 40-х гг. XIII в. чеканятся монеты с именем багдадского халифа ан-Насира. В среде исследователей-нумизматов бытует идея об организации джучидского монетного чекана известным деятелем монгольской эпохи Масуд-беком [напр.: 71, с. 71].

¹⁶ К.К.Хромов и В.Н.Настич полагают, что начало работы монетного двора “Крым” положено улусными наместниками в период между 1257 и 1280 гг., чеканившими анонимные серебряные монеты без тамги, с легендой “Амир (на лицевой стороне) Кыры/ма (на обороте)” [73, с. 77, 78]. По наблюдениям В.А.Сидоренко, начало золотоордынской чеканки серебряной и медной монет с

где останавливаются послы (строение, в котором они проживают, Рубрук называет "ямом", т.е. почтовой станцией; о дорожном и почтовом сообщениях см.: 76, с. 409-415), работает монетный двор, где чеканятся дирхемы общеджучидского стандарта. При Берке темником Ногаем в Крым вместе с семьей и ближайшим окружением был доставлен иконийский султан Изз ад-дин Кайкавус II. Пленнику Михаила VIII Палеолога, согласно хронике Ибн-Биби, в *икта* (кормление) были переданы "Солхад и Сутак" [1, с. 26]. Вероятно, эти события состоялись около 1265 года. На правах ленного владения ханский бенефиций принадлежал Изз ад-дину около пятнадцати лет и после его смерти в изгнании в 678 г.х. = 1279/80 г. на короткое время перешел к его сыну Гияс ад-дину Масуду. Вместе с иконийским султаном в долины Восточного Крыма из Добруджи пришла и часть населения, в которой Поль Виттек видел тюрок-гагаузов [77, р. 639-668]. Впрочем, задолго до Виттека гагаузская версия была высказана Ф.К.Бруном и поддержана В.Д.Смирновым, считавшим тюрокскую орду Сары-Салтыка кочевой по образу жизни и исламизированной по исповеданию [36, с. 16, 17]. Главным достижением, однако, стало утверждение в краевом центре исламской общины (с квартальной мечетью с 1263 г.). Это не случайное событие для времени правления хана-мусульманина. Исламская община позволяла обеспечить выполнение поликонфессиональным Солхатом одной из важнейших задач – налаживание посольских связей с мамлюкским Египтом. Начиная со времени правления Берке, обмен посольствами и дипломатическими посланиями с Египтом (и обратно) стал нормой [76, с. 346-361]. Основным пунктом "дипломатического транзита" стал Солхат-Крым. В конечном итоге, наместники джучидского Крыма получили право самостоятельной переписки с мамлюками [78, с. 123]. Для Солхата в Каире была утверждена специальная форма делового письма¹⁷. Спустя четверть века после посольства 1287 г., султан Калаун ал-Альфи прислал в Солхат 2000 динаров на постройку пятничной мечети и камнереза для украшения портала надписью с его именем [79, прим. 100]. В конце 1290-х гг. контроль над Крымским улусом окончательно перешел к Токте. Заключительным актом обретения нового единства власти по отношению к Крыму стала карательная акция Токты, направленная против Каффы. Подробности о ней сообщают арабские источники [23, с. 120, 162].

Расцвет золотоордынского Крыма приходится на время правления хана Узбека (1312-1341). В этот период джучидскую администрацию Солхата возглавляет Тюлек-Тимур (1300-1341), не самый яркий представитель исламской "партии власти", но родственник Узбека. Тюлек-Тимур – сподвижник Ногаю, перешедший к Токте (1290-1312) в 1300 г. Спустя год после утверждения в Сарае хана-мусульманина, в Солхате возводится мечеть с именем Узбека [80, с. 124-127]. За годы правления Тюлек-Тимура войска Солхата трижды разоряют христианскую Сугдею: в 1322, 1327, 1328 годах. Разорение римско-католических приходов в 1322 г. вызвало обращение папы к Узбеку с просьбой о восстановлении церкви, оставленное без внимания. Замечание Г.В.Вернадского о том, что в период правления Узбека "...в других крымских портах генуэзцам не досаждали" [41, с. 203], вероятно, связано с недооценкой "областных инициатив" наместника, в чей округ входил этот портовый город. В 1334 г. Ибн-Баттута нашел в Сугдее всего несколько семей греческих ремесленников. Впрочем, судя по обнаружению на ремесленном посаде в слое с монетами ханов Токты и

лакабом "Нусрет ад-Дунья ва-ад-Дин" ("Помощь (победа), мира и веры") в г. Крым относится к 1266-1266 гг. До 1312 г. – времени Узбек-хана, монетный двор выпускает серебряные монеты с датами: 665 г.х., 682 г.х., 683 г.х., 686 г.х., 687 г.х., 690 г.х., 693 г.х., 695 г.х., 697 г.х., 698 г.х., 700 г.х., 702 г.х., 704 г.х., 707 г.х. [74, с. 46, 47]. Конец работы монетного двора "Крым" – 825 г.х. = 1421/22 г. Эмиссии монетного двора "Крым" – "Крым-ал-джадид" вошли в сводку Э. фон Цамбаура [75, с. 194].

¹⁷ Со слов ал-Калкашанди известно, что письма к правителю Солхата писались на формате в 1/3 листа, в переписке имя и титул правителя пишется с "буквой й" и ставился адрес: "Правителю в Крым" [23, с. 413]. Характеристику каирских руководств по составлению деловых писем см.: 78, с. 115-118.

Узбека остатков меднолитейной мастерской [81, с. 151, 152], жизнь посада продолжилась и в начале XIV столетия. Жесткое администрирование Тюлек-Тимура в сочетании с поощрением исламской благотворительности супруги – Инджи-бек Хатун, на чьи средства в середине 1330-х гг. в Солхате построено великолепное медресе, дают основание рассматривать период первой половины XIV в. как один из пиков в развитии золотоордынского города в Крыму. Существенно, что сам Солхат-Крым именно в это время из селения перерастает в город, что и отметил побывавший здесь в 1334 г. марокканец Ибн Баттута [23, с. 280]. Приход к власти Узбека положил основание развитию исламских институтов и в поволжской столице – Сарая (сейчас снова утверждается мысль о существовании в Золотой Орде только одного Сарая – на месте Селитренного городища [см.: 82; 83, с. 305-323; противоположное мнение см.: 84, с. 324-339]), и в Крыму. Мусульманское духовенство (во главе с *сейидам* – потомками Пророка) получает ряд привилегий, в том числе в виде земельных наделов и вакфов [85, р. 90-142; обзор работы Де Визе см.: 86]. Хорошим тоном стало подчеркивать доброжелательство власти по отношению к кадиям, *факихам*-правоведам [23, с. 291], наряду с которыми существовали и тюркские шейхи – *яргучи*, рассматривающие судебные иски на основе ясы. В жизни городов заметное место заняли суфийские шейхи [о развитии суфизма в Золотой Орде см.: 87, с. 251, 252]. Не случайно по ярлыку Менгли-Гирея от 1453 г. крымские шейхи и *суфии* получили право на дополнительные привилегии в форме бесплатных услуг и продуктов. Уже Тюлек-Тимур мог твердо рассчитывать на поддержку *кадията*. Общегражданские дела в местном суде вели *яргучи*, назначаемые ханом; по Ибн-Баттуте, в состав суда входило восемь *яргучи* под председательством *амира яргу* [88, с. 135-137]. Но высоко и значение шариатского суда. Отсюда значение, которое придавалось взаимодействию гражданских властей с исламскими богословами. Так, в Солхате эмир Тюлек-Тимур делил судебную власть не только с ханафитом Шамс ад-Дином ас-Саили, главным кадием города, но и с шафиитским кадием Хызром. При этом в соборной мечети Солхата богословскую кафедру занимал имам-шафиит Абубекр [23, с. 281]. Потенциал исламской общины Солхата оказался настолько высок, что сразу же после мамайского безвременья в 1382-85 гг. строится еще одна пятничная мечеть площадью более 250 кв. м [10, с. 149]. Одна из характерных черт в развитии исламского Солхата состоит в том, что своими успехами он обязан эпохе Узбек-хана. Совершенно необычно это находит подтверждение в структуре монетного клада из 608 дирхамов, обнаруженного нами при раскопках медресе Солхата в 1983 г. [89; 90; 91, с. 77]. В кладе обнаружены монеты с 710 по 778 г.х. десяти ханов от Гийас ад-дина Токты (1290-1312) до Мухаммада Буляка (в вопросах об идентификации Буляка, третьего из подставных ханов Мамаю, и в прочтении его имени на монетах существуют разные мнения [92, с. 278-280, рис. 8]). Монеты чеканены на шести монетных дворах: Сарай, Сарай ал-Джадид, Крым ал-Махруса, Гулистан, Орду, Маджар ал-Джадид. Из них 63,8% (388 экз.) отчеканены в период правления Узбека. Но самое примечательное состоит в том, что на 265 экз. монет Узбека 720 г.х., отчеканенных монетным двором Крыма ал-Махруса, имеются надчеканки, обеспечившие хождение этого типа дирхамов на протяжении всего XIV и первой четверти XV веков. Из этого следует, что с 720 по 782 г.х. – во времена относительной нестабильности и в период анархии с 758 по 782 г.х., когда на сарайский трон претендовало 25 ханов, монетный двор Крыма не выпускал серебряной монеты. Ее в эти десятилетия в Солхате заменили старые выпуски с надчеканками в виде слова "хан", или трехногой тамги с навершием в форме птичьей головы, или в виде генуэзского портала. Об успехах исламизации горного Крыма красноречиво свидетельствует сооружение в 1346 г. мечети на городище Чуфут-кале [94, с. 172-178].

Благодаря сообщению Ибн Баттуты, мы знаем, что города Крым и Азак соединял наезженный маршрут с 18 станциями-ямами. Обряд гостеприимства, выказанный

правителем Азака Мухаммадом ал-Хорезми правителю Крыма, свидетельствует о старшинстве Тюлек-Тимура [23, с. 285], в зону ответственности которого вошла и часть Приазовья. Походная свита крымского наместника, проливающая некоторый свет на структуры окружной исламской элиты, состояла из восьми человек. В нее, кроме брата и двух сыновей, вошли *имам Саад ад-дин, проповедник Абубакр, кади Шамс ад-дин, правовед Шареф ад-дин и муарриф Ала ад-дин* [23, с. 282]. Исламское окружение эмира Азака представляли лишь *кади и талибы*, к которым после парадного обеда присоединились чтецы Корана *мукри*.

Время правления Узбека и его наследников – сыновей Тинибека (1341) и Джанибека (1341-1357) фактически и составляет **третий этап** в развитии ордынского Крыма. И хотя единство этапа объяснимо с точки зрения неизменности линии управления, сложившейся при жизни хана и продолженной его вдовой, знаменитой Тайдулой, в системе сорокапятилетнего владычества этой семьи (в том числе и над Крымом) выделяются два периода. Первый – до 1342 г.; второй – до конца правления Джанибека (1357). Для Крыма период владычества Джанибека начинается с конфликта с генуэзской Кафрой (1344 г.). Причины все те же – борьба за совокупный налог. Очередной каффинский конфликт – звено в системном подходе центральной администрации к торговым факториям латинян на территориях Золотой Орды. Это хорошо видно на примере соседнего Азака. В 1343 г. Джанибек возобновил отцовский ярлык на деятельность венецианцев Таны (при условии выплат 3%-ного торгового налога в ханскую казну). В 1343 г. Джанибек изгоняет из Азака всех латинских купцов; спустя четыре года венецианцам позволено вернуться в свой квартал. Чумная пандемия 1348-49 г. и война венецианцев с генуэзцами за Черноморье 1350-55 г. вызвала задержку в отношениях с латинянами. Но Миланский мир (1355 г.) привел враждующие лагеря к трехлетнему отказу латинян от плаваний в Тану. Дисбаланс сил, вызванных Миланским соглашением, и привел к укреплению позиций генуэзской Кафры. Уже осенью 1355 г. дож Венеции направляет в Орду посольство Андреа Венерио с просьбой об аренде в Крыму бухты для постройки порта Провато. Джанибек незамедлительно выдает венецианцам ярлык на право устройства новой венецианской фактории. В эпизоде с портом Провато, учрежденным как венецианский консульский центр (его тюркское название “Янгишехр” = “Новый город”), к концу 1355 г. возникает имя *даругачи* Солхатского тюмена Зайнуддина Рамазана [95, с. 149-154]. Торговая фактория в Янгишехре, по данным письменных источников, прекратила свое существование ок. 1380 г., т.е. в конце мамаевской эпохи [96, с. 28-36]. Предположительно, Рамазан возглавляет Крымский улус с 1349 по 1357 г., когда на смену ему с утверждением Бирдибека (1357-1359) приходит сын Тюлек-Тимура, Кутлуг-Тимур. Имя Кутлуг-Тимура в форме *Cotolemur* упомянуто среди имен восьми известных ордынских беков, ходатайствующих перед Джанибеком в 1342 г. за венецианских купцов Таны [97, с. 68, 71]. Позже имя этого темника встречается еще в нескольких документах: предписании Бирдибека 1358 г. и уведомлении самого Кутлуг-Тимура венецианским послан к хану Джованни Квирина и Франческо Бону, датированного тем же годом, что и предписание Бирдибека [97, с. 158-191, 192-195, 209]. В 1358 г. Кутлуг-Тимур подтвердил права венецианцев на бухту Провато (разрешение было получено ими в 1356 г.) и позволил им доступ к Солдае и гавани Калиера (Калитра). Можно предположить, что контакты крымского наместника с венецианцами отложились в его личной сокровищнице в виде двух парадных поясных наборов из золота и серебра [98, с. 144, 145]. Период правления в Крыму Кутлуг-Тимура продолжался вплоть до захвата Сарая Кильдибеком (1361/2 г.), поскольку в составе упомянутой сокровищницы обнаружена *лайца* с его именем [99, с. 186-215]. При нем, но, очевидно, как следствие решения Бирдибека (1358 г.), венецианцы получили право торговать в Солдае, куда ранее не допускались. По мнению А.П. Григорьева, основанном на анализе платежной ведомости Тайдулы, Кутлуг-Тимура на посту правителя Крымского тюмена в период от середины

сентября 1358 г. до начала марта 1359 г. сменил Кутлу-буга [97, с. 209]. Если А.П. Григорьев прав, то следовало бы думать, что Кутлуг-буга, беглербек Джанибека в 1351-1357 гг. и отец Мамай (!), попал в доверенные лица Кильдибека и ему, как главе Крымского тюмена, принадлежала *пайцза* Симферопольского клада. Последнее предположение, а равно и конструкция "Мамай (Кичи-Мухаммад) = зять Джанибека, а не его сына Бирдибека" [97, с. 212] представляются маловероятными.

Суммируя наши наблюдения, связанные с третьим этапом в развитии золотоордынского Крыма, нельзя не отметить одной характерной черты. В этот период ханские наместники получают широкие полномочия по ряду направлений внутриобластной и международной политики. Как явление, расширение объема "областных полномочий" прорастает из практики приволжских столиц. Можно согласиться с М.Г. Сафаргалиевым, отметившим усиление влияния местных элит на принятие решений в ставке Узбека [100, с. 367]. Вспомним поразительную историю брачного контракта сестры Узбека и египетского султана Ал-Малика ан-Насира, судьба которого зависела от решения 70-ти эмиров и которая решалась на протяжении 4-х лет. В конце его правления даже в Авиньоне знали о неблагоприятии, царящем в сарайском дворце хана. Это модель отношений, предполагающая опору на второй ряд представителей властных структур на местах. В Крыму наместники сами решают вопросы войны и мира на подвластной территории. К примеру, в региональных войнах с Судаком вступают, правда, с разрешения хана, в переписку с венецианскими дипломатическими миссиями, влияют на решения о Провато; наконец, ведут самостоятельную переписку с Каиром. Несомненно, что сегментация власти в Крымском улусе, ярко отразившаяся в структуре воинских сил ордынцев в сражении с Витовтом на Синих водах в 1362/3 г., результат конца эпохи Джанибека-Бирдибека, когда в Крыму утверждается новое политическое образование – княжество Феодоро. Сама же воинская акция, проведенная силами трех крымских эмиров – Солхата, Кырк-йора и Мангула¹⁸, скорее свидетельство собственной переоценки, чем наступательной "внутриобластной" политики [ср.: 69, с. 56]. Трудно, однако, понять и логику интерпретации

¹⁸ Анализу крымских аспектов Синеводской битвы 1363 г. посвящена работа В.Л. Мыца [101, с. 245-256]. Автор, обратившись к критике отождествления Н.В. Малицким сотника Хуйтани, чье имя упомянуто в одной из мангупских надписей 1361/2 г. [102, с. 5-10], с одним из участников сражения 1363 г., пришел к заключению о том, что никакого феодоритского князя Дмитрия не было. В сущности, речь идет о возврате к мысли М.С. Грушевского о легендарном пласе в составе русско-литовского летописного источника [103, с. 82]. В изложении версии М.С. Грушевского, подробно проанализировавшего летописный контекст синеводского сюжета, В.Л. Мыц опустил важную деталь. Она связана с указанием на причины ордыно-литовского конфликта. Суть – в присвоении ордынской тамги Подолья родственниками Ольгерда, Кориятовичами – "...а баскакам дань давати перестали" [103, с. 79].

Ироническое отношение М.С. Грушевского, вызванное ненадежностью сообщения Стрыйковского об уходе татар в Добруджу [103, с. 82], общеизвестно. В.Гюзелев, исследовавший материалы о татарах в Добрудже, привлек наблюдение Г.Брэттиану о "татарском вожде Дмитрие", упомянутом в грамоте венгерского короля Лайоша I Великого, выданной в 1368 г. купцам Брашова, торгующим в землях Северо-Восточной Болгарии [104, с. 34]. Им же привлечены и сведения из польских анналов начала XVIII в., опирающихся на сведения того же Стрыйковского. В попытке новой идентификации Дмитрия (теперь уже не Мангупского, но Добруджанского) большое место занимает известие Никоновской летописи о войне Литвы, союзницы Мамай в кампании 1380 г., с неким татарским эмиром Темиррезом [103, с. 82, особенно сн. 7 на с. 83] – "Темерей", в котором В.В. Латышев видел Кутлук-Тимура [105, с. 238], а В.Л. Мыц – ложного "мангупского Дмитрия". Как представляется, отказ от гипотезы Н.В. Малицкого преждевременен, поскольку новая гипотеза базируется на недостоверных источниках. Борьба ордынцев правого крыла во главе с улусбеком Кутлу-бугой за Подольскую дань и есть историческое зерно русско-литовской летописи (вне зависимости от православного имени его союзника, не получившего нового подтверждения "мангупской прописки").

Синеводской битвы, как события, знаменующего освобождение территории Украины от ордынской зависимости [106, с. 108], поскольку речь идет лишь о Подолии, подпавшей в результате под контроль Великого Литовского князя Ольгерда (1341-1377). Между тем, защита Крымом ордынских интересов в Подольских землях означала лишь, что налоговые сборы из этого района шли через администрацию правого крыла Джучидов. Русский летописец подолюстил крымским эмирам (Кутлугбуге, Хаджи-бею и Дмитрию), называя их "...отчичами и дедичами Подольской земли...", но точно определил их баскаческую сущность [ПСРЛ, т. VIII, с. 31]. Князя Хаджибей и Дмитрий – эмиры Кырк-йора и Мангупа, а многоопытный Кутлугбуга – правитель Солхата и Крымского тюмена. Возможно, походный эмир Солхата и Кутлугбуга, вступивший в 1381 г. в должность крымского наместника, одно и то же лицо. В 1387 г. Кутлугбуга, "dominus Solcatensis", заключает договор с Кафрой от 12 августа, в котором правительство Токтамыша (1379-1395) подтвердило условия соглашения от 1382 г. [107, р. 25, 26].

Один из самых темных этапов в истории золотоордынского Крыма – **четвертый этап** – это период между 1359 и 1379 г. – от убийства Бирдибека до воцарения Токтамыша. Центральное действующее лицо этого двадцатилетия – темник Мамай, зять (монг. "кюреген") Бирдибека и один из его старших эмиров [23, с. 389]. После смерти тестя, он в 762 г.х. = 1361 г., подобно Ногаю, пробует (?) чеканить в Азаке монету с легендой "Мамай – царь правосудный" [108, с. 20; кажется, существование такой монеты не подтверждается]. Однако, в отличие от Ногая, правил все-таки через подставных ханов. Первый из них Абдуллах (1362-1369) был посажен в Сарае ал-Джедид. В 764 г.х. = 1362/63 г. здесь, но также и в Азаке, от имени Абдуллаха чеканятся медные и серебряные монеты с титулами "хан" и "султан". Власть Мамаева почти не распространялась за новые пределы правого крыла Золотой Орды, восточная граница которого в то время проходила по правому берегу Волги. Принято считать центром Мамаева улуса Кучугурское городище, что в 30-ти км к югу от г. Запорожья, идентифицируемое В.Л.Егоровым с Шехр ал-Джадидом [6, с. 85]. Самая западная граница его владений – река Мамай-Сурка в районе бывших днепровских погребов, к западу от которой археологами исследован одноименный средневековый могильник [109]. Вероятно, при Мамаеве в начале 1360-х гг. чуткие к событиям в Орде обитатели Мангупа предпринимают активные работы по "восстановлению Феодоро" [102, с. 10; 110, с. 170, 271]. Начавшийся затяжной кризис в Орде не преминул сказаться в Крыму: в 1365 г. генуэзцы захватили Солдайю и 18 деревень южного побережья [111, р. 177-182]; возможно, что в зависимость от Каффы в это время попадают венецианские гавани Провато и Калиера. В сущности, в отношениях с генуэзцами в середине 1360-х гг. наступает рубеж, когда в роли обороняющейся стороны выступают сами ордынцы. Уже к 70-м гг. активное крепостное строительство ведется в Солдае, и одна из наиболее ранних строительных плит датирована 1371 г. [112, р. 107]. Внутренний кризис в Орде оказался так велик, что даже население "столичного" Солхата, напуганное приходом Мамаев, приступило, судя по армянской памятной записи 1363 г., к сооружению оборонительного пояса в виде внешнего рва и стен [10, с. 144]. Судя по переписке с канцелярией египетского султана, Мамай твердо утвердился в Крыму только к 773 г.х. = 1371 г. Мамаевский Крым, по Г.А.Федорову-Давыдову, – "владение типа *суьоргал*" [2, с. 136]. В октябре 1374 г. он был торжественно принят консулом Каффы, а несколько месяцев спустя послу Мамаев генуэзцы вручили богатые одежды [66, II, р. 457]. В 1375 г. Мамай возвращает под джучидский контроль 18 селений Готии [66, р. 161]. Консолидация сил правого крыла к началу 1377 г., подчинение Северного Кавказа (1379 г.) и установление власти в Астрахани привело в лагерь Мамаев новых союзников. Анализ археологических материалов позволяет отметить вовлечение в круг экономических интересов Крыма славяно-тюркских поселений Днепровского Запорожья, где создаются генуэзские фактории Тавань и Белозерка [113, с. 27]. Этой "мамаевской" волне крымского влияния на Южное Поднепровье

предшествовала другая, связанная с перекочевкой из Крыма племени *бурджоглы* в конце XIII – начале XIV вв. [113, с. 26-28].

Одно из направлений в жизни “мамаевского” периода Крыма – укрепление взаимодействия со старыми соперниками. В числе последних – итальянцы. В период с 1374 по 1381 г. отношения Солхата и Каффы довольно ровные. Консул Каффы оказывает знаки внимания “господину Солхата” (Ага-Мухаммаду, по А.П.Григорьеву это Мамай = Кичиг Мухаммад), посылая со своими чиновниками подарки и послания. Тесные отношения Солхата и Каффы подтверждаются присутствием каффинского викария на обеде с сыном солхатского даруги [66, II, р. 460], который раненым в кампании 1391 г. попадет в плен к Тимуру [1, с. 115, 165]. Солхато-Каффинское сближение объясняет присутствие на Куликовом поле 9 сентября 1380 г. крымского отряда генуэзской пехоты, сражавшегося под знаменами Тулака [по А.Г.Мухамадиеву, Тулак-бека – см.: 114, с. 97], третьего из подставных ханов Мамаю. Поражение, нанесенное войскам правого крыла Золотой Орды Дмитрием Ивановичем московским, очень скоро привело Мамаю в дружественную Каффу (но не Солхат!). Здесь, на одном из базаров, между мартом и ноябрем 1381 г. он был убит [66, II, р. 458], вероятно, наемниками Токтамыша. О том, что антимамаяевская акция шла из Солхата нетрудно догадаться. В урочище “Три колодца” каффинцам противостояли две группы ордынских “переговорщиков” во главе с промамаевским Черкес-беком (в конце 1380 г.) и Ильясом, сыном Кутлугбуги (1381 г.), представлявшим интересы Токтамыша. Условия договора ясны не во всех деталях, но одним из его пунктов, несомненно, стало устранение Мамаю. Взамен Каффа получила контроль над Солдайей, 18-тью селениями южнобережного Крыма (Готию) и новое партнерство с ордынцами. Токтамыш утвердил в Каффе нового мытаря для сбора налогов “по старому обычаю” и чиновника для контроля за каффинскими ордынцами. Вполне допустимо, что тело Мамаю было выдано для погребения общине соседнего Солхата. Страх перед Токтамышем заставил горожан, среди которых еще сохранялись бывшие приверженцы всеильного *беглербека*, захоронить патрона по исламскому обряду вне городской черты в некрополе у генуэзских ворот [115, с. 38-41]. Судя по ярлыку Токтамыша от 1381 г., Крымскому тюмену все еще подчинялись некоторые территории в Северном Приазовье [116, с. 126-136].

Примечательно, что на протяжении всего четвертого этапа монетный двор Крыма почти бездействовал. Полагаю, это объясняется статусом Солхата-Крыма как личной вотчины Мамаю, куда кроме Абдаллаха не был допущен ни один из последующих двух подставных ханов – Мухаммед (осень 1369-1376 гг.) или Тулак (февраль 1379-1380 гг.) [92, с. 280]. Трудно представить, чтобы *беглербек* Мамай и его мнимый отец, отставной *беглербек* в правительстве Джанибека, Кутлугбуга, был допущен в Солхат-Крым в качестве даруги. Тем более что Мамай и Кутлугбуга ориентированы на разные политические силы. Не случайно Токтамыш после смерти Мамаю продолжил карьеру Кутлугбуги в Крыму вплоть до 1387 г.

Город в мамаевский период не приобрел ни одного общественного сооружения, в то время как его функция торгового посредника в большой международной торговле хотя и подвергалась колебаниям, но оставалась неизменной. Есть еще одна веская причина для снижения тонуса общественной жизни в период мамыевского безвременья: борьба за политическую власть расшатала финансовую систему государства. Особенно резко это сказалось после захвата Токтамышем Сарая и Азака, традиционных центров монетных эмиссий. У населения Причерноморья, особенно после рокового 9 сентября 1380 г., стало просто недоставать денег. Недостаток ходячей монеты ханская администрация в последние месяцы жизни Мамаю пыталась компенсировать введением золотых *дангов* – “*dangai aure*” [117, с. 116]. Эти монеты весом более 10 грамм пока не обнаружены археологами, но нашли отражение в документах массариев Каффы [117, с. 116, рис. 2, прим. 84].

Пятый этап определяется во временных границах от утверждения в Золотой Орде, а потом и в Крыму, Токтамыша (1376-1395) до Тимур-Кутлука (1395-1401). "Великий" Токтамыш вошел в историографию Золотой Орды как хан-объединитель, возродивший единство Джучидского улуса. Мысль М.Г.Сафаргалиева о том, что восстановление территориального единства лишь результат "политического плана" Тимура [100, с. 398], декларативна и не находит подтверждения в источниках. В контексте избранной темы роль Тимура или Едигея в политической и личной судьбе Токтамыша нас может интересовать лишь в связи с делами Крымского улуса. Между тем, состояние золотоордынского Крыма все больше зависело не только от поволжских Сараев, но и от отношений Солхата с территориальными образованиями полуострова, включая генуэзскую Каффу и феодоритский Мангуп. При Токтамыше феодориты, судя по находке на Мангупе строительного камня с именем хана, не ставят под сомнение суверенитет Орды [102, с. 5-8; 110, с. 261]. В 1381 г. о своих интересах в Солхате и Провато снова заявляют венецианцы, лишённые по Туринскому договору возможности плавания в Тану на два года [118, с. 72]. В то время как в Солхате внимание было сосредоточено на противоборстве набирающей силу группировки Токтамыша со слабеющей мамайской, генуэзцы, обеспокоенные возможным усилением в Крыму венецианцев, вдвое увеличивают гарнизон Солдайи: с 42-х человек в 1376 г. до 80-ти в 1381 г. [66, II, р. 461]. В 1382 г. гарнизон Солдайи уменьшается до 12-ти человек (после подписания Туринского мира), но уже в 1386 г. снова вырастает до 60-ти [66, II, р. 461]. Пришедший к власти в Солхате в 1381/2 г. Илиас, сын Кутлу-буги, не смог остановить кризис в отношениях между Солхатом и Каффой и спустя три года противоборствующие стороны вступили в открытое противостояние. Каффа, несомненно, была подготовлена к войне лучше. Сразу же после ремонта крепостных сооружений в цитадели (1381-82 гг.) консулы Якопо Спинола (1383), Пьетро Казано (1384) и Бенедетто Гримальди (1385) ведут серьезные работы по строительству внешнего оборонительного пояса города [66, II, р. 207]. Достаточно сказать, что к 1389 г. протяженность крепостной линии каменных стен Каффы (высотой до 10 м), включающей 8 башен, достигает 5,2 км. Война 1385-87 гг. [107, р. 25, 26] закончилась поражением Солхата и 15 мая 1387 г. генуэзцы отметили победу раздачей вина в пригородах Каффы. Уже 12 августа Илиас подписывает мирное соглашение с генуэзцами, подтверждающее условия договора 1382 г.; соглашение сопровождается обязательством чеканить дирхамы только "полного веса". Генуэзцы закрепляют свой контроль над этим участком восточно-крымского побережья строительством на средства коммуны Каффы муниципального (?) замка у селения Отузы [119, с. 90].

Неудачи Токтамыша в Мавераннахре и Хорезме в 1388-89 гг. привели к расколу в лагере золотоордынского хана. Положение стало критическим после победы Тимура при реке Кундурче (июнь 1391 г.). В двуязычной надписи 1391 г. на камне с горы Алтын-Чуку (хранящемся в Эрмитаже) Тимур, выступивший в поход против Токтамыша, называет себя "султаном Турана" [120, с. 181, 182]. Уже осенью того же года изгнанный из Сарая Бек-Булат бежит в Крым, где его продолжает преследовать Токтамыш. Ибн Халдун сообщает и об осаде Крыма, во время которой *оглан* Булат был убит [23, с. 393]. Победа Токтамыша над Бек-Булатом приводит в Крым в качестве наместника эмира Кутлук-Бугу. Вполне вероятно, что при его правлении в Солхате возникает одна из самых монументальных мечетей города, известной под условным названием "мечети Бейбарса" [о дате этой мечети и одного из сооружений, предшествующего ее строительству см.: 72, с. 69, 70, план – с. 128, рис. 2]. Имя нового наместника мы узнаем из ярлыка Токтамыша от 10 сентября 1392 г., выданного одному из крымских аристократов Бек-Хаджи, объявленном "вольным тарханом" [121, с. 141, 142]. Войны с Тимуром в 1395-96 гг. привели и Токтамыша, и Золотую Орду в целом на грань катастрофы. В 796 г.х. = 1393/94 г. на отчеканенных в Крыму монетах выбита легенда "Султан правосудный Таш-Тимур хан". В

Сарае в это время правит ставленник Тимура Куюрчак-оглан, сын Урус-хана. Видимо, правление Таш-Тимура продлилось до прихода в Крым отрядов Тимура сразу же после победы на Тереке в 1395 г.: Ибн Дукмак и Ибн ал-Форат, заимствовавший свои сведения у Ибн Дукмака, говорят о 18-тидневной осаде отрядами Тимура Каффы [23, с. 330, 364], а Шареф ад-дин Иезди – о сжигении Азова [1, с. 180]. Весьма вероятно, что наместником Солхата в период тимуровских потрясений был второй сын Кутлубуги Синан (Dominus Sinan, Filius Chutlubei) [122, с. 512]. Едва ли не все сведения арабских источников о тимуровском погроме в Крыму восходят к сообщениям египетского посла к Токтамышу эмира Тулумена Алишаха, согласовавшего было вопрос о несостоявшемся военном союзе против Тимура. Тот же Ибн ал-Форат, после передачи известия о тимуровской кампании в Крыму, очень скупо сообщает, что уже в 1396 г. войска Токтамыша снова осаждают генуэзскую Каффу [23, с. 364].

Эта новая попытка Токтамыша отстаивать свое право на Крымский улус позволяет выделить еще **шестой этап** – заключительный в эволюции золотоордынского Крыма. Суть в том, что в это время на полуострове формируется самостоятельная орда, объективно сыгравшая роль пускового механизма, подготовившего выделение Крымского улуса в качестве самостоятельного ханства при Хаджи-Гирее (1443 г.). Здесь я следую за русской редакцией родословной татарских царей в списке 1696 г., привлеченной еще В.В.Вельяминовым-Зерновым: “Тохтамыш царь первый на Крыме (курсив мой – М.К.), а убил его Идигей князь” [123, с. 123]. Этой же точки зрения придерживался и М.Г.Сафаргалиев, считавший, что после 1396 г. Токтамыш владел полуостровом уже не как хан Золотой Орды, а как глава Крымского улуса [100, с. 431]. Не случайно анализ монетного состава Балаклавского клада дирхамов, где Токтамышу принадлежало 79,5% от учтенного количества монет, показал нарастание местных особенностей в денежном обращении Крыма (при этом чекан Крыма в составе клада составил те же 79,5%) [124, с. 77]. В своей борьбе за Крым Токтамыш, как и в 1392 г., опирался на местную знать, среди которой поздние документы выделяют ширинского бека Руктемир-бея [125, с. 124]. Противниками Токтамыша в конце 1396 – начале 1397 гг. выступают его зять Едигей (Ибн Арабшах сообщает о 15 сражениях непримиримых соперников [23, с. 470]) и “первый царь на Астрахани” Тимур-Кутлук [126, с. 49]. Борьба за Крым, как всегда при смене властей, началась с Едигеевой осады Каффы в 799 г.х. [23, с. 531]. Уже весной 1397 г. Тимур-Кутлук, первый из ханов Едигеевой плеяды, получил возможность гарантировать крымским татарам собственные преференции. В ярлыке от 27 апреля 1397 г. новый правитель удовлетворил просьбу о тарханстве Мехмета (Махмуда? – М.К.), сына Хаджи Байрама, вместе с его несовершеннолетними сыновьями: старшим – Хаджи Мехметом (Мухаммадом? – М.К.) и младшим – Махмудом [128, с. 21, 31]. Речь идет о семейной династии, пожалованной “истинным тарханством” до 1397 г. во времена “прежнего, умершего Саин-хана” [новый взгляд на титул “Саин-хан” см.: 127, с. 28-32]. Место действия – деревня Индирчи по соседству с Сугдеей. В составе преференций три группы льгот. Кроме имущественных, подтверждающих право пользования землями, водами, виноградниками, садами, банями и мельницами, тархан освобождался примерно от 10-ти наименований налоговых пошлин, а также от выдачи подвод, постоя и корма для казенного скота, от поборов и чрезвычайных налогов [128, с. 21-37]. Ярлык 1397 г. дает представление не только об имущественной структуре местной землевладельческой элиты, не только о перечне “законных” налогов и практики “чрезвычайных” поборов, но и о номенклатуре военных, судейских и гражданских чиновников, начиная от самых высоких до базарных надзирателей. Указание на традиционную многочисленность тарханов в “области Крыма и Кырк-йора” свидетельствует, что привилегии *тарханства*, как и сам институт, распространялись преимущественно на элиту коренных округов-тюменов, а не на все податное население Крыма.

Тимур-Кутлук умер вскоре после поражения Витовта на Ворскле в 1399 г. и Едигей утвердил подставного хана Шадибека (1401-1407). По-видимому, власть самого Едигея в Крыму до гибели Токтамыша не была полной. Клавихо, не указывая дат, говорит об активном неприятии едигеевского правления сыном Токтамыша, действующим из Каффы [129, с. 144]. Солхат-Крым, пострадавший еще в тимуровскую кампанию, весь двадцатилетний период властвования Едигея так и не вышел из состояния стагнации (по свидетельству Иоанна де Галонифонтибуса, в начале XV в. большая часть города все еще лежала в развалинах [130, с. 14]). Время от времени здесь появляются представители то сына Токтамыша – Джалал-ад-дин (1410 г.), то Тимура, сына Тимур-Кутлука и зятя Едигея, овладевшего Таной и вынудившего Джалал-ад-дина бежать к Витовту (1411 г.). В 1412 г. Джалал-ад-дин, вернувший себе власть после победы над сыном Тимур-Кутлука, был убит своим братом Керим-Берди. В 1417 г. в Крым бежал один из сыновей Токтамыша Джаббар-Берди, опиравшийся на поддержку Витовта [100, с. 444]. Преследующий его Едигей разграбил Тану и вскоре оказался в Крыму, осадив Каффу. Условием длительной осады города стало удаление из Крыма Джаббар-Бирди, ушедшего в Литву. Джаббара-Бирди в Крыму на короткое время сменил последний из токтамышевичей Кадыр-Бирди (1420 г.), поддержанный Витовтом в Литве и родом Ширин в Крыму. Как известно, это был роковой год как для победителя – Кадыр-Бирди, так и для самого Едигея, погибшего на берегу Яика в районе Сарайчука в 1419 г. [23, с. 532, 533]. Хронологию Джучидов в Крыму на отрезке времени с 1419 по 1424 гг. позволяют уточнить дирхамы Коктебельского клада 2001 г., насчитывающего около 600 монет первой четверти XV в. [131, с. 92-94]. Последовательность здесь такова: 822 г.х = 1419/20 гг. Дервиш-хан; 822-824 г.х. – хан Бек-Суфи; 824-830 г.х. – хан Давлет-Бирди. Имя хана Бек-Суфи на серебряных монетах Крыма прочтено М.Б.Северовой при анализе части клада (1120 ед.) монетного двора "Крым", найденного на территории Киево-Печерской лавры в начале XX в. [132, с. 98-100]. Зависимость последнего из подставных ханов Едигея от патрона подтверждается чтением надписей на одной из монет эрмитажной коллекции, где на одной стороне отчеканена надпись "Султан Бек Суфи", а на другой "Эмир Едигей" [132, с. 100].

Судьба Крыма после смерти Едигея оказалась в руках Витовта (1392-1430). С его одобрения и по согласованной позиции родов Ширин и Барын очередным ханом Крыма на исходе 1421 г. оказался Улу-Мухаммад, внук Токтамыша и будущий основатель Казанского ханства [133, с. 543; анализ генеалогии Улу-Мухаммада см.: 134, с. 63-75]. В месяце зу-л-ка'да (= 28.10-26.11) об этом событии стало известно при дворе Шахруха [1, с. 196]. А в следующем году (825 г.х.) от Мухаммад-хана к Шахруху прибыло посольство с подарками, благосклонно принятое в Герате. В своей борьбе за трон с Худайдатом и Баракан Улу-Мухаммад опирался на помощь Витовта. После короткого перерыва он в 1425 г. снова возвращается в Крым, а в 1426-27 гг. подчиняет себе Астрахань и Булгары, где чеканит монеты от своего имени [135, с. 503]. Летом 1426 г. Крым на время уходит из-под влияния Улу-Мухаммада и здесь обосновывается Давлет-Бирди. Ситуацию к западу от Волги, как всегда, неплохо знали в Каире. В своих хрониках ал-Айни, будучи очевидцем, сообщает эпизод чтения письма, доставленного в марте 1427 г. султану ал-Ашрафу Сайф ад-дин'у Барсбаю (1422-1438). Составленное, очевидно, в Солхате, письмо Давлет-Бирди оказалось не слишком понятно в Каире из-за стилистической цветистости. Однако со слов его доставившего челсвека прояснилась суть неурядиц. В Орде боролись три хана: земли Сарая занял Улу-Мухаммад, Крым – Давлет-Бирди, Борак – восточную часть, граничащую с землями Тимура [23, с. 534]. К весне следующего года Давлет-Бирди уже не было в живых. И тот же ал-Айни сообщает о возврате Крыма под управление Улу-Мухаммада [23, с. 534], правившего позднее (1438 г.) и в Казани. Со смертью в октябре 1430 г. Витовта, давнего покровителя Улу-Мухаммада, его шансы укрепиться в Крыму снизились до минимума. Шаткость положения Улу-Мухаммада усугубили как

непродуманный поход на Литву 1431 г., так и разрыв с влиятельным родом Ширин. В результате власть в Крыму в 1433 г. была захвачена Сайид-Ахмадом (1433-1435). Улу-Мухаммаду пришлось покинуть и Дешт-и Кыпчак, где он уступил власть Кичи-Мухаммаду. Согласно ал-Айни, Кичи-Мухаммад с 847 г.х. = 1443/44 г. [23, с. 534] владеет не только Дештом, но и Крымом. Главным оппонентом Кичи-Мухаммада в Крыму стал Хаджи-Гирей (ок. 1428-1456), появившийся на политической сцене Крыма еще в период взлета карьеры Улу-Мухаммада. В.В.Бартольд отметил противоречивость сведений о деятельности "...Хаджи-Гирея б.Гийас ад-дина б.Таш-Тимура, царевича из Золотой Орды <...>. Его первые монеты относятся к 845/1441-42 г.; свое владычество он основал, как сообщают, значительно раньше с помощью князей Литвы и Польши, поддержкой которых он пользовался до самой смерти (871/1466 г.)" [136, с. 522]. М.Г.Сафаргалиев убедительно показал связь между крымскими делами и междоусобицей литовских князей Свидригайло, за которыми стоял Улу-Мухаммад, и Сигизмунда, покровительствовавшего Хаджи-Гирею [100, с. 491, 492]. В самом Крыму Хаджи-Гирей опирался на поддержку аристократических родов, давно добивавшихся самостоятельности полуострова из-за опасения потерять собственные привилегии. Но если в 1434 г. цементирующей активности влиятельного рода конгратов (в первой половине XIV в. под их контролем находились кыпчаки и мангыты [137, р. 357-398]) хватило, чтобы перебороть сепаратистские настроения кланов Ширин, Бырын, Аргын и Кыпчак, то спустя десятилетие этот противовес исчез... вместе с Золотой Ордой. В Крыму Ширины и Барыны считались старшими [138, с. 29; 139, р. 286]. Со времени Токтамыша эти же влиятельные роды отмечены и для других районов Золотой Орды. Идентичность клановых структур кроется в истории элей Токтамыша, что основывается на данных Чингиз-наме Утямыш-хаджи (XVI в.) [140, с. 115].

Чтобы точнее определить политическую сегментацию золотоордынского Крыма накануне исчезновения Улу-улус'а как единого государства, обратимся к действиям Хаджи-Гирея в должности Солхатского наместника, представляющего интересы общеордынского хана Улу-Мухаммада. В 1433 г. Хаджи-Гирей – союзник Мангупского князя Алексея в противостоянии с коммуной Каффы. В этом году греческая община крепости Чембало, относящейся к Капитанству Готии, взбунтовалась, несомненно, с ведома Алексея, и изгнала латинян [111, р. 203-208]. Однако планам феодоритского князя, стремившегося получить выход к морю, не суждено было сбыться. Уже в июне коммуна Каффы призвала против восставшей крепости эскадру из Перы под руководством Бартоломео ди Леванто. Поскольку феодоритам удалось удержать Чембало, в марте 1434 г. для возвращения Чембало из Генуи была отправлена другая эскадра (в 20 кораблей) под руководством адмирала Карло Ломеллино. Уже в начале июля бунт был подавлен. В письме адмирала из Каффы в Геную от 9 июня в списке побед значатся: Чембало, Каламита, Бронони и вся Готия (*tota Gotia*) [141, р. 514, 515]. По замыслу Каффы, вслед за феодоритами должна была настать очередь союзника Алексея – Хаджи-Гирея. Сражение состоялось 22 июня у селения Карагоз. Экспедиционный отряд Ломеллино из 10 тысяч пехотинцев с обозом из 700 повозок был атакован на марше конницей Хаджи-Гирея и разбит; погиб и Ломеллино [141, р. 511-517; документы Гатари приводят другое число участников сражения: 142, с. 110-120]. По мирному договору от 13 июля генуэзцы обязались очистить гавань от судов эскадры, разоружить две грёбные галеры и еще одно судно, выплатить Солхату 100000 аспров за 25 плененных латинян [142, с. 119, 120]. В сущности, это последняя ордынская победа в Крыму.

В ходе кампании 1434 г. ярко определились основные политические силы на полуострове. Среди них – ордынцы, феодориты и генуэзская Готия во главе с Каффой. Каждая из них не представляла политического монолита и искала поддержки за пределами не только Крыма, но и Золотой Орды. Уже осенью победителю при Карагозе пришлось оставить полуостров и искать защиты в Литве при дворе Сигизмунда. Крым на время

оказался в руках Сайид-Ахмада, опиравшегося на поддержку главы клана кунгратов Хайдара-мурзы [36, с. 215; топоним "Конграт" встречается в крымских судебных книгах XVI в. – см.: 143, с. 319, 322]. Необходимо учесть скептическое отношение специалистов по топонимии Крыма в отношении исторических оценок совпадения наименований крупных племен и родоплеменных объединений Джучидов с названиями отдельных населенных пунктов на географической карте Золотой Орды [144, с. 94, 95]. Однако нет сомнения, что за крымскими топонимами, связанными с родоплеменными названиями таких объединений как конграт, кыпчак, кият, кытай, найман или кенегес и др. стояли отдельные роды, отколовшиеся от соответствующих этнических массивов. Порой связь между топонимами "новой родины" и малыми этническими группами получает археологическое подтверждение. Так случился с "черкесами" Северного Кавказа, перемещенными в XIV-XV вв. в междуречье Качи и Бельбека в Горном Крыму [54, с. 81, 82]. Нет сомнения, что, как и в случае с идентификацией одного из погребений Яблоновского могильника в Поросье [21, с. 40-43], мнимые черкесы из Пампук-Кая и Алустона – северокавказские адыги.

Для нашей темы важно подчеркнуть, что и Сайид-Ахмад, и Хаджи-Гирей – крымские сепаратисты, не претендующие на участие в "большой" ордынской политике. Борьба Улу-Мухаммада с Кичи-Мухаммадом в конечном итоге закончилась выделением Казанского ханства, где власть в 1438 г. захватил Улу-Мухаммад. Власть в Дешт-и Кыпчаке осталась за Кичи-Мухаммадом. Все еще неплохо осведомленный о Крымских делах каирский хроникер сообщает, что в 847 г.х. = 1443/44 г. "...государем Крыма и Дешта был Мухаммад-хан" [23, с. 534]. Из анализа сообщения Мунаджим-баши (XVII в.), сообщающего о застройке Бахчисарая Улу-Мухаммадом, следует, что до переноса резиденции в новую столицу хан проживал все еще среди ширинов в одряхлевшем Солхате [100, с. 506]. Узость социальной опоры нового хана, привлечшего в Крым пришельцев вроде князей Мансуровых, чей родоначальник получил от Мухаммада 32 деревни, несомненно, за счет владений местной татарской элиты, не позволила Улу-Мухаммаду закрепиться на полуострове. Принявший крымский трон из рук Великого Литовского князя Казимира в Вильно, Хаджи-Гирей возвращается "на царство Перекопское". Судя по тому, что в 1443 г. Хаджи-Гирей чеканит свою монету в Кырк-йоре с титулом "Султан верховный" [135, с. 583], инициатива смены власти исходила от влиятельного рода яшлавских (сулешских) беков, вероятно, не без учета консолидированного мнения ширинов, барынов и аргынов. Так в Крыму начинается новый этап, лишь косвенно связанный с историей Золотой Орды и получивший название периода Крымского ханства. Время сохранило как ханские тамги Гиреев, так и тамги ведущих родовых кланов, включая ширинов, аргынов и яшлав [65, с. 12].

Наш анализ места Крымского улуса в системе административно-территориальной и отчасти политической истории правого крыла Золотой Орды показал, что одна из основных функций центральной власти на месте заключалась в создании новой тюрко-латино-византийской контактной зоны под контролем Солхата-Крыма с двумя основными векторами связей. Первый, преимущественно политический, был нацелен на Каир. Второй, торгово-посреднический, обеспечивал нужды левантийской и латинской торговли [145; 146, с. 113-120] вплоть до территорий Центральной Азии и Китая. С Северным Китаем Золотая Орда, начиная со времени Бату и Мункэ и до середины XIV в., была связана не только трансконтинентальной торговлей, но и системой великоханских платежей с принадлежащих Джучидам уделов – *хуби* [147, с. 40, 41; 148, с. 190]. Значительно более длительные, чем это казалось еще недавно, связи с Китаем, нашли отражение в находках на городищах Сарая, Увека, Маджар и городища Большие Кучугуры китайских бронзовых монет, изделий из китайского текстиля в кочевнических погребениях, отдельных изделий из нефрита и резной кости [149, с. 50; 150; 151, с. 16; 152, с. 128, 129; 153; 154, с. 117-127; 155, с. 16, 17; 156]. Проводником средиземноморского направления стало латинское владение Газзария с административным центром в генуэзской Каффе. Причем, большая

торговля обеспечивалась платежными слитками серебра двухсотграммового стандарта, клады которых обнаружены и в Крыму [157, с. 68-71; 98, с. 86-88; 158, с. 159-169; 117, с. 102-116; 159, с. 129, 130]. Формирование крупных накоплений привело к появлению в сокровищницах крымской знати золотых динаров из Северной Индии [160, с. 12; 10, с. 153; 98, с. 115, кат. № 612-621], но не собственных золотых дангов. В этом смысле крымская знать вела себя так же, как и элиты Поволжья и Северного Кавказа [161, с. 253, 254; 162, с. 69-71; 163, с. 109-113]. Следы латинской и византийской торговли в городах Крыма (Солхат, Солдайя, Херсон) и Приазовья (Азак-Тана) обнаруживаются в находках золотых венецианских дукатов, серебряных денариев и квартари Генуи, золотых и серебряных византийских монет [10, с. 152, 153; 164, с. 147; 165, с. 40, 41; 166, с. 93, 94; 167, с. 112-114].

Отдельно выделим клад из Кырк-Йора, в составе которого найдено 30 золотых монет, 4259 серебряных и одна медная; среди золотых – 29 венецианских дукатов, чеканенных от имени восьми дожей, и один мамлюкский динар. Время тезаврации клада – 70-е гг. XV в. [168, с. 97, 98]. Вплоть до середины XV в., несмотря на поражение в войне 1385/6 гг., реальная власть в Крыму принадлежала Солхату. При этом Солхат-Крым опирался не столько на воинскую мощь, сколько на силу монетного чекана. Ибо монетный двор г. Крым обладал монополией региональной эмиссии общегосударственных номиналов. Во второй половине XIII в. эмиссиями монетного двора "Крым" обеспечивались нужды торговли всего Северо-Западного Причерноморья (вплоть до устья Дуная). От Солхата-Крыма вплоть до первой четверти XIV в. зависело денежное обращение Азака-Таны. Поэтому, опираясь на динамику роста монетных дворов региона, в жизни западной контактной зоны выделяются три этапа. Первый – в рамках 60-х гг. XIII в. и до начала XIV в.: монетная эмиссия осуществляется в Солхате-Крыме. Второй – в рамках первой четверти XIV – начала 50-х гг. XV вв.: монета чеканится в Крыме и Азаке [об аздакском чекане см.: 169]. Третий – с 20-х гг. – середины XV в. и вплоть до падения Каффы в 1475 г. В этот период латинские владения Северного Причерноморья постепенно выходят из-под денежного контроля золотоордынских ханов и начинают чекан собственной монеты. Монетный двор генуэзской Каффы учреждается не ранее 1453 г. в период переподчинения генуэзской Газзарии Банку св. Георгия, хотя с 1420-х гг. здесь получил распространение двуязычный номинал с тамгой Золотой Орды. Монетные находки последних лет выявили группу недатированных серебряных дирхамов, чеканенных от имени хана Давлет-Бирди после 825 г.х. монетным двором Кафа ал-Джадид. Первоначально штемпеля для нового монетного двора, очевидно, резали мастера Солхата-Крыма. Можно полагать, что в Каффе Давлет-Бирди опирался на общину северного предместья города, известного под названием "Шор Базар" [170, с. 94]. Здесь же, видимо, несколькими годами ранее чеканились и первые генуэзско-татарские монеты с именем Бек Суфи. Антибург Шор Базар, площадью до 28,5 гектаров, вырос за стенами города вдоль дороги на Солхат [171]; вероятно, на территории этого предместья размещалась и каирская торговая фактория. С 1433 г. в Каффе чеканятся монеты с тамгой Гиреев, но в 1453 г. изображение св. Георгия заменяет генуэзский портал. Последнее лишь подтверждает, что Крым уже в период владения Едигея лишь номинально остается в составе Золотой Орды. Вмешательство Витовта в дела правого крыла Джучидов создает объективные условия для выделения Крымского улуса в самостоятельное политическое образование. Во второй половине XV в. в период менгли-гиреевских смут г. Крым был полностью разрушен, хотя первые Гирей "...имели в Крыме резиденцию и чеканили там свою монету" вплоть до 923 г.х. = 1517 г. [12, с. 468]. Исследования генуэзской Лусты [172, с. 139-189] показывают, что по активности и темпам роста поселения Капитанства Готии к середине XV в. заметно опережают развитие городской жизни татарского Крыма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г.Тизенгаузеном и обработанные А.А.Ромаскевичем и С.Л.Волиным. М.; Л., 1941.
2. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
3. Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII-XIV вв.). М., 1988.
4. Мингулов Н.Н. К некоторым вопросам изучения истории Ак-Орды // Казахстан в эпоху феодализма. (Проблемы этнополитической истории). Алма-Ата, 1981.
5. Султанов Т.И. К вопросу о терминах "Ак-Орда" и "Иуз-Орда" // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М., 1970.
6. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М., 1985.
7. Исахов Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар. Казань, 2000.
8. Исахов Д.М., Измайлов И.Л. Образование Золотой Орды и формирование средневекового татарского этноса (XIII – первая четверть XV века) // Татары. Отв. ред. Р.К.Уразманова, С.В.Чешко. М., 2001.
9. Григорьев А.П., Фролова О.Б. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник 2001. Золотая Орда и ее наследие. М., 2002.
10. Крамаровский М.Г. Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII-XIV вв. // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Сборник научных трудов. Л., 1989.
11. Крамаровский М.Г. Золотоордынский город Солхат-Крым. К проблеме формирования городской культуры (новые материалы) // Татарская археология. Казань, 1997.
12. Бартольд В.В. Работы по исторической географии // Сочинения. Т. III. М., 1965.
13. Багрянородный Константин. Об управлении империей: текст, перевод, комментарии. М., 1989.
14. Степаненко В.П. К истории Боспора Киммерийского XI-XII вв. // Проблемы истории Крыма. Тез. докл. науч. конф. Симферополь, 1991. Вып. 1.
15. Гадло А.В. Тмутороканские этюды. I-V // Вестник ЛГУ. 1989-1991. Серия 2.
16. Котляр Н. Тмутороканский остров // "Родина" (российский исторический иллюстративный журнал). М., 2002. №11-12.
17. Войцеховский В.А. Строительные надписи на стенах крепости в Белгороде-Днестровском // Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972.
18. Кравченко А.А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII-XIV в.). Киев, 1986.
19. Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000.
20. Романов В.К. Статья 1224 г. о битве при Калке Ипатьевской летописи // Летописи и хроники. М., 1980.
21. Горелик М.В. Армии монголо-татар X-XIV веков. Воинское искусство, оружие, снаряжение. М., 2002.
22. Антонин, архимандрит. Заметки XII-XV века, относящиеся к крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанные на греческом. синаксаре // ЗООИД. Одесса, 1863. Т.5.
23. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. В. [Г.] Тизенгаузена. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.
24. Бейліс В. Країна ал-Куманія у "Географічному творі" ал-Ідрісі та Половецька земля Іпатівського літопису // *Mapra Mundi*. Збірник наукових праць на пошану Ярослава Дашкевича з нагоди його 70-річчя. Львів; Київ; Нью-Йорк, 1996.
25. Успенский Ф.И. Византийские источники о монголах и египетских мамлюках // Византийский временник. 1926. Т. XXIV.
26. Джованни дель Плано Карпини. История Монгалов; Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. Редакция, вступительная статья и примечания Н.П.Шастиной. М., 1957.
27. Айбабин А.И. Печенеги и половцы в Крыму // Проблемы истории Крыма. Тез. докл. науч. конф. Симферополь, 1991. Вып. 1.
28. Айбабин А.И. Крым в X – первой половине XIII века. Степь и Юго-Западный Крым // Крым,

- Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века: Археология. Ответственные редакторы тома Т.И.Макарова, С.А.Плетнева. М., 2003.
29. Анохин В.В. Позднекочевнический некрополь у Евпатории // Проблемы истории Крыма. Тез. докл. науч. конф. Симферополь, 1991. Вып. 1.
  30. Козин С.А. Сокровенное сказание, Монгольская хроника 1240 г. под названием *Monggol-un niġiġa tobġiġan*. Юань чао би ши, монгольский обыденный изборник. Т. I. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии. М.; Л., 1941.
  31. Кычанов Е.И. Сведения "Юань-ши" о завоевании Руси монголами // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. СПб., 1999. Вып. XVIII.
  32. Кычанов Е.И. Субудай-боходур // Кюнеровские чтения. 1995-1997. Краткое содержание докладов. СПб., 1998.
  33. Султанов Т.И. Род Шибана, сына Джучи: место династии в политической истории Евразии // Тюркологический сборник 2001. Золотая Орда и ее наследие. М., 2002.
  34. Султанов Т.И. "Муизз ал-ансаб" и Чингизиды – подпоручики "Кижэ" // Восток. М., 1994. Вып.6.
  35. Абу-л-Гази. Родословное древо тюрков. Перевод Г.С.Саблукова. Казань, 1906.
  36. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887.
  37. Bratianu G. Actes des notaires genoise de Pera et de Caffa de la fin du XIII siecle. Bucarest, 1927.
  38. Еманов А.Г. Образование городской коммуны Каффы (до сер. XV в.) / Автореф. дис. ... докт. истор. наук. Екатеринбург, 1997.
  39. Еманов А.Г. "На краю Европы": становление города на границе цивилизаций и культур // Европа. Международный альманах. Издательство Тюменского гос. ун-та, 2002.
  40. Вашари И. Жалованные грамоты Джучиева Улуса, данные итальянским городам Кафа и Тана // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). Казань, 2002.
  41. Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь; М., 1997.
  42. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.
  43. Егоров В.Л. Александр Невский и Чингизиды // Отечественная история. М., 1997. № 2. 53.
  44. Кривошеев Ю.В. Русь и монголы. СПб., 1999.
  45. Насонов А.Н. Монголы и Русь. М.; Л., 1940.
  46. Бартольд В.В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов // Сочинения. Т. V. М., 1968.
  47. Мыськов Е.П. Золотая Орда в XIII – начале XIV в. (политический аспект) / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград. 2000.
  48. Мыськов Е.П. Политическая история Золотой Орды (1236-1313 гг.). Волгоград, 2003.
  49. Далай Чулууны. Монголия в XIII-XIV веках. М., 1983.
  50. Rossabi M. Khubilai Khan. His Life and Times. Berkeley; Los Angeles; London, 1988.
  51. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
  52. Григорьев А.П. Ярлык Менгу-Тимура: реконструкция содержания // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1990. Вып. XII.
  53. Шаскольский И.Б. Сведения об истории Руси в исламских анналах // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 1994. Вып. 25.
  54. Мыц В.Л. Укрепления Таврики X-XV вв. Киев, 1991.
  55. Бичурин И.Я. История первых четырех ханов из дома Чингисова. Переведено с китайского монахом Иакинфом. СПб., 1829.
  56. Кычанов Е.И. Сведения из "Истории династии Юань" ("Юань-ши") о Золотой Орде // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани 1223-1556. Казань, 2002.
  57. Веселовский Н.И. Хан из темников Золотой Орды. Ногай и его время // Записки Российской Академии наук. Петроград, 1922. VIII серия, т. XIII.
  58. Северова М.Б. И снова о монете с именем Ногай, а также о редкой крымской монете с двумя тамгами // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция. Тез. докл. и сообщ. М., 2002.
  59. Руссев Н.Д. На грани миров и эпох. Города низовьев Дуная и Днестра в конце XIII-XIV вв.

- Кишинев, 1999.
60. Kouzev A. Zur Localisierung der Stadt Vicina // *Études Balkaniques*. 1977. III.
  61. Хейвуд К. Некоторые проблемы нумизматического доказательства правлений хана Ногая и Джеки // *Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани 1223-1556*. Казань, 2002.
  62. Oberländer-Târnoveanu E. and I. Contributii la studiul emisiunilor monetare și al formațiunilor politice din zjna_Gurilor Dunării în secolele XIII-XIV // *Studii și cercetări de istorie veche și arheologie*. Bucureș, 1981. Nr.1.
  63. Oberländer-Târnoveanu E. Numismatical Contributions to the History of the South-Eastern Europa at the end of 13th century // *Revue roumain d'histoire*. 1987. Nr. 3.
  64. Коновалова И.Г. Итальянские купцы в Северо-Западном Причерноморье // *Древнейшие государства на территории СССР, 1987*. М., 1989.
  65. Акчокраклы О. Татарские тамги в Крыму (Материалы научно-этнографической экспедиции по изучению татарской культуры в Крыму 1925 г.) // ИТОИАЭ. Симферополь, 1927. Т.1.
  66. Balard M. La Romanie genoise (XII – debut du XV siecle). Vol. 1, 2. Rome, 1978.
  67. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. М.; Л., 1959. Вып.63.
  68. Герцен А.Г. К вопросу об этнической истории средневекового Мангупа // *Проблемы истории Крыма*. Тез. докл. науч. конф. Симферополь, 1991. Вып. 1.
  69. Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Крепость драгоценностей Кырк-ор – Чуфут-кале. Симферополь, 1993.
  70. Коршенко А.Н. Находки скифатных монет на Мангупе // *Шестая Всероссийская нумизматическая конференция*. СПб., 1998.
  71. Петров П.Н. Булгар середины XIII в. и Великая Монгольская империя // *Девятая Всероссийская нумизматическая конференция*. Тез. докл. и сообщ. СПб., 2001.
  72. Крамаровский М.Г. Солхат-Крым: тюркский этнос и городская культура XIII-XIV вв. // *Проблемы истории Крыма*. Тез. докл. науч. конф. Симферополь, 1991. Вып. 1.
  73. Хромов К.К., Настич В.Н. Два редких типа серебряных монет Крыма Золотоордынского периода // *Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция*. СПб., 2003.
  74. Сидоренко В.А. Монетное производство золотоордынского Крыма // *Проблемы истории Крыма*. Тез. докл. науч. конф. Симферополь, 1991. Вып. 1.
  75. von Zambaur E. Die münzprägungen des Islams. Zeitlich und Örtlich Geordnet. I. Band. Wiesbaden, 1968.
  76. von Spuler B. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland 1233-1502. 2., erweiterte auflage. Wiesbaden, 1965.
  77. Wittek P. Yazijioghlu ,Ali on the Christian Turks of the Dobruja // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1953. XIV/3.
  78. Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII-XIV вв.). М., 1966.
  79. Поляк А.Н. Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе // *Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы*. М., 1964.
  80. Крамаровский М.Г. Солхат и Амасья в XIV в. К итогам археологического изучения архитектурного комплекса медресе и мечети Узбека в г. Крым (Старый Крым) // *Проблемы истории архитектуры*. Тез. докл. М., 1990.
  81. Джанов А.В. Меднолитейная мастерская XIV века на ремесленном посаде Сугдеи // *Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века*. Мат-лы IX междунар. науч. конф. 25-30 мая 1998 г. Ростов-на-Дону, 2001.
  82. Евстратов И.В. О золотоордынских городищах, находившихся на местах Селитренного и Царевского городищ (опыт использования монетного материала для локализации средневековых городов Поволжья) // *Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей* (Мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения П.Д.Рау (1897-1997), г. Энгельс Саратовской обл., 12-17 мая 1997 г.). Саратов, 1997. Ч.2.
  83. Рудаков В.Г. К вопросу о двух столицах в Золотой Орде и местоположении города Гюлистана // *Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья*. М., 2000.

84. Волков И.В. Столицы Золотой Орды во внешних источниках // Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М., 2000.
85. De Weese D. Islamisation and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. Pennsylvania, 1994.
86. Арсланова А. Обзор монографии Девина Де Визе "Исламизация и исконная религия в Золотой Орде: Баба Тюклес и обращение в ислам в исторической и эпической традиции" // Эхо веков. Историко-документальный журнал. Казань, 2001. Вып. 1/2.
87. Кобищанов Ю.М. Особенности исламской цивилизации на периферии // Очерки истории распространения исламской цивилизации. Т.1: От рождения исламской цивилизации до монгольского завоевания. М., 2002.
88. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950.
89. Крамаровский М.Г. Отчет Старо-Крымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа за 1984 г. // Архив ИА НАН Украины.
90. Северова М.Б. Пополнение фонда джучидских монет // СГЭ. Л., 1990. Вып. 54.
91. Северова М.Б. Обзор кладов восточных монет из собрания Эрмитажа // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция. М., 2000.
92. Сидоренко В.А. Хронология правлений золотоордынских ханов 1357-1380 // МАИЭТ. 2000. Вып. VII.
94. Акчокраклы О. Новое из истории Чуфут-Кале // ИТОИАЭ. Симферополь, 1928. Т.2.
95. Григорьев А.П., Григорьев В.П. Письмо правителя Крыма Рамадана венецианскому дожу (1356 г.) // Востоковедение. СПб., 1997. 19. Филологические исследования.
96. Григорьев А.П. Золотоордынский город Янгишехр // Вестник С.-Петербургского университета. СПб., 1994. Сер. 2. Вып.2
97. Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. Источниковедческое исследование. СПб., 2002.
98. Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001.
99. Münküev N.Ts. A New Mongolian P'ai-tzu from Simferopol // Acta Orient. Hung. 1977. Tomus XXXI. Fasc.2.
100. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций... (из опыта образования и распада империй X-XVI вв.). М., 1996.
101. Мыц В.Л. Битва на Синеи Воде в 1363 г. Турмарх Хуйтани мангупской надписи 1361/62 г. или мнимый князь Феодор Дмитрий // АДСВ. Екатеринбург, 2001. Вып. 32.
102. Малицкий Н.В. Заметки по эпиграфике Мангупа // ИГАИМК. М.; Л., 1933. Вып.71.
103. Грушевський М. Історія України-Русі. Т. IV: XIV-XVI віки – відносини політичні. Київ, 1993.
104. Гюзелев В. Очерци върху историята на Българския Североизток и Черноморието (края на XII – началото на XV век). София, 1995.
105. Латышев В.В. Новые заметки к христианским надписям из Крыма // ЗООИД. Одесса, 1898. Т. XXI.
106. Ивакин Г. Южная Русь и Батыево нашествие // "Родина". Российский исторический иллюстративный журнал. 2002. №11-12.
107. Basso E. Il "Bellum di Sorcati" ad i trattati del 1380-1387 tra Geneva e l'Orda d'Oro // Studi Genovesi. 1900-1908. Nuovo serie. Genova. 1991.
108. Френ Х.М. Монеты ханов улуса Джучиева <...>. СПб., 1832.
109. Ельников М.В. Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1989-1992 гг.), I. Запорожье, 2001.
110. Герцен А.Г. Рассказ о городе Феодоро. Топографические и археологические реалии в поэме иеромонаха Матфея // АДСЭ. Екатеринбург, 2001. Вып. 32.
111. Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge, Mass., 1936.
112. Skrzinska E. Inscriptions latines des colonies genevoises en Crimée (Theodosie, Soudak, Balaklava) // Atti della Società Ligure di Storia Patria. Genova, 1928. Vol. 56. № 32.
113. Ильинский В.Е. Дикое Полз в XIII-XVI вв. (в связи с северной политикой Крыма) // Проблемы истории Крыма. Тез. докл. науч. конф. Симферополь, 1991. Вып. 2.
114. Мухаммадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII-XV вв. М., 1983.
115. Крамаровский М.Г. Погребение беклярибека Мамай(?): археологические наблюдения и

- исторический контекст // Эрмитажные чтения памяти Б.Б.Пиотровского. Тез. докл. СПб., 1996.
116. Григорьев А.П. Пожалование в ярлыке Токтамыша // Востокведение. Л., 1981. Вып. 8.
117. Пономарев А.Л. Деньги Золотой Орды и Трапезундской империи // Квантативная нумизматика и процессы средневековой экономики М., 2003.
118. Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII-XV вв.: проблемы торговли. М., 1990.
119. Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV-XV веков // Проблемы истории и археологии Украины. Мат-лы междунар. науч. конф. Харьков, 2001.
120. Пономарев А.И. Поправки к чтению надписи Тимура // Советское Востоковедение. М.; Л., 1945. Вып. 3.
121. Самойлович А.Н. Несколько поправок к изданию и переводу ярлыков Тохтамыш-хана // ИТОИАЭ. Симферополь, 1927. Вып. 1 (58).
122. Малиновский В. О надписи на требнике, хранящемся в армянской церкви в Каменец-Подольском // ЗООИД. Одесса, 1844. Т.1.
123. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. II. СПб., 1864.
124. Гончаров Е.В., Алексеенко Н.А. Балаклавский клад джучидских монет начала XV в. // Шестая Всероссийская нумизматическая конференция. СПб., 1998.
125. Лашков Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения // ИТУАК. Симферополь, 1845. № 22.
126. Вельяминов-Зернов В.В. Материалы для истории Крымского ханства, извлеченные <...> из Московского главного архива Министерства иностранных дел. Ч.1. СПб., 1864.
127. Бойл Дж. Э. Посмертный титул Бату-хана // Тюркологический сборник 2001. Золотая Орда и ее наследие. М., 2002.
128. Радлов В. Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга // Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества. СПб., 1888. Т. III, выпуски I и II.
129. Руи Гонсалес де Клавиho. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403-1406). Перевод со староиспанского, предисловие и комментарий И.С.Мироковой. М., 1990.
130. Иоанн де Галонифонтибус. Сведения о народах Кавказа 1404 г. Баку, 1980.
131. Хромов К.К. О правлении джучидских ханов в Крыму в 1419-1422 гг. по нумизматическим данным // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция. Тез. докл. и сообщ. М., 2002.
132. Северова М.Б. Об имени золотоордынского хана на монетах Крыма 822 и 823 гг. хиджры (1419, 1420 гг. н.э.) // Всероссийская нумизматическая конференция. Тез. докл. СПб., 1994.
133. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991.
134. Исхаков Д.М. О родословной хана Улуг-Мухаммеда // Тюркологический сборник 2001. Золотая Орда и ее наследие М., 2002.
135. Марков А.К. Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа. СПб., 1896.
136. Бартольд В.В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов // Сочинения. М., 1968. Т. V.
137. Bregel I. Tribal Traditions and Dynastic History // Asian and African studies. Journal of the Israel Oriental Society. 1982. Vol. 16.
138. Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые записки МГУ. 1940. Вып. 61. История. Т. II.
139. Manz B. The clans of Crimean Khanat. 1466-1532 // Harvard Ukrainian Studies. 1987. Vol. 2,3.
140. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследование В.П.Юдина; Комментарий и указатели М.Х.Абусейтовой. Алма-Ата, 1992.
141. Agosto A. Due lettere inedite sugli eventi del Cembalo e di Sorcati in Crimea nel 1434 // Atti della Società Ligure di Storia Patria. Genova, 1977. Vol. XVII (XC1).
142. Колли Л.П. Хаджи-Гирей хан и его политика // ИТУАК. Симферополь, 1913. Вып. 50.
143. Иналджик Г. Знахідка кадійських судів (судових книг) Кримського ханату // Мappa Mundi. Збірник наукових праць на пошану Ярослава Дашкевича з нагоди його 70-річчя. Львів; Київ; Нью-Йорк, 1996.
144. Суперанская А.В., Исаева З.Г., Исхакова Х.Ф. Введение в топонимию Крыма. Часть I. М., 1995.
145. Fedorov-Davydov G.A. The Silk Road and the Cities of the Golden Horde. Berkeley (Zinat Press), 2001.

146. Хеллер К. Золотая Орда и торговля с Западом // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани 1223-1556. Казань, 2002.
147. Кычанов Е.И. О некоторых обстоятельствах похода монголов на запад (по материалам "Юань ши") // Тюркологический сборник 2001. Золотая Орда и ее наследие. М., 2002.
148. Чхао Чху-чанг. К вопросу о взаимоотношениях юаньских и золотоордынских правителей // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани 1223-1556. Казань, 2002.
149. Федоров-Давыдов Г.А. Торговля нижневолжских городов Золотой Орды // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола, 1998. Вып. I.
150. Тихомолова И.Р. Китайские селадоны городища Большие Кучугуры // Международные связи в средневековой Европе. Запорожье, 1991.
151. Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000.
152. Обухов Ю.Д. Китайская монета с городища Маджары // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М., 2001. Вып. II.
153. Васильев Д.В. Женское захоронение в сырцовом мавзолее золотоордынского времени // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1998. Вып. 6.
154. Доде З.В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа. Очерки истории. М., 2001.
155. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Автор-составитель каталога Н.В. Хабарова. Волгоград, 2001.
156. Лантратова О.Б., Голиков В.П., Орфинская О.В., Владимирова О.Ф., Егоров В.Л. Исследования уникальных археологических памятников из собрания Государственного исторического музея – комплексов одежд XIII-XIV вв. М., 2002.
157. Крамаровский М.Г. Клад серебряных платёжных слитков из Старого Крыма и золотоордынские *суьмы* // СГЭ. Л., 1980. Вып. XLV.
158. Мыц В.Л., Адаксина С.Б. Клад серебряных платёжных слитков XV в. из Алустана // *Stratum plus*. Время денег. СПб.; Кишинев; Одесса, 1999. № 6.
159. Еманов А.Г. *Sommo di Caffa* XIII-XV вв. // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. СПб., 2003.
160. Крамаровский М.Г. Отчет Старо-Крымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа за 1984 г. // Архиз ИА НАН Украины.
161. Федоров-Давыдов Г.А. Две заметки по золотоордынской нумизматике // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
162. Ртавеладзе Э.В. Два динара делийских султанов с городища Маджары // СА. 1972. №1.
163. Волков И.В. Нумизматические и эпиграфические находки из Маджара // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М., 2001. Вып. II.
164. Фронджуло А.М. Раскопки в Судаке // Феодальная Таврика. Киев, 1974.
165. Фомичев Н.М. Новые находки медных византийских и западных монет XIV в. в Азове // Девятая Всероссийская нумизматическая конференция. Тез. докл. и сообщ. СПб., 2001.
166. Фомичев Н.М. Некоторые факты, относящиеся к нумизматике Азака-Таны в XIV-XV вв. // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. СПб., 2003.
167. Слепова Т.И. Монета Иерусалимского, Родосского и Мальтийского ордена Святого Иоанна из раскопок Херсонеса // Девятая всероссийская нумизматическая конференция. Тез. докл. и сообщ. СПб., 2001.
168. Майко В.В. Кырк-Ерский клад XV вв. // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. СПб., 2003.
169. Фомичев Н.М. Джучидские монеты из Азова // СА. 1981. № 1.
170. Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666-1667). Перевод и комментарии Е.В. Бахревского. Симферополь, 1999.
171. Бочаров С.Г. Историческая топография Каффы (конец XIII в. – 1774 г.): фортификация, культурные памятники, система водоснабжения / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.
172. Мыц В.Л. Генуэзская Луста и Капитанство Готии в 50-70-х гг. XV в. // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. Киев, 2002.

KRAMAROVSKY M. G.
THE DJUCHIDS AND THE CRIMEA: THE 13TH – 15TH CENTURIES
Summary

The Crimean peninsula was a part of the right wing of the Golden Horde. During the whole Golden Horde period the territory of the Crimea played the most important role in economic and political life of the state.

The author marks out six important stages in the history of Mongolian colonization of Taurica – Crimea.

The First stage (1236/38 – till the mid-13th century). That was the period when Taurica was in the orbit of Mongolian conquest in Eastern Europe. A new administrative center appears on the political map of the peninsula, Solkhat – Crimea.

The Second stage (the mid- end of the 90s of the 13th century). It is characterized by the formation of the Crimean branch of transcontinental trade way to the East under the control of Solkhat. A peculiar economic “triangle” Soldaia – Solkhat – Kaffa is being formed in the Eastern Crimea. It becomes more noticeable since the 70s – 80s of the 13th century, when Genoese settlement obtains the status of a colony with the consul at the head. Special benefits granted by Mengu – Timur (1267–1280) to trading Kaffa became the basis for Latin – Turkish interaction. The basis for horde – Egyptian cooperation is being formed and Solkhat occupies an important place in maintaining those relations.

The Third stage (the period of reigning by Uzbek Khan (1312–1341) and his sons (1341–1357). This is the period of flourish of the Golden Horde Crimea. The first half of the 14th century is one of the peaks in the development of the Golden Horde city in the Crimea. This is the period of establishment of Islam institutions of administration and judicial authority. At the same time, contradictions between the interests of the Golden Horde and Italian colonies of Crimea had intensified since 1344.

The Fourth stage (the period between 1359–1380). The central figure of the period is general Mamai. This stage is characterized by the first system crisis of the Golden Horde political power in the Crimea. Inertia of Crimea mint should be noted.

The Fifth stage. The boundaries of this stage are defined by the period of reign of Tokhtamysh in the Golden Horde (1376–1395) till the reign of Timur –Kutluck (1395–1401). In essence, this is the period of aggravating crisis of the Golden Horde power in the Crimea and growth of political potential of Kaffa and Theodoro Mangup.

The Sixth stage. It starts with the time when Edigey confirmed figure-head khan Shadibek (1401 – 1407) and is over with singling out Crimea as an independent Khanate. It is one of the most discrepant periods in the political life of the peninsula. This period is also marked by coining money of Khadji Girey with the title of “Sultan Supreme” in Kyrk-Yor (1443).